

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

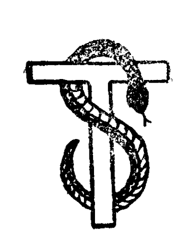
---

7 февраля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

№ 2.

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 Г. НА

Религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ".

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской,* при участіи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, Н. Броницкой, А. Ф. Вельцъ. Вендъ, В. Д. Гарднера, А. С. Гралевской, А. Дана, Н. Гернетъ, М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, Н. Лихачевой, И. Манджарли, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Успенскаго, М. П. Н. Эрасси* и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія крупныя статьи: „Сила мысли" **А. Безантъ**, „Эволюція души и строеніе Вселенной" доктора **Р. Штейнера**, извлеченія изъ книги *Дж. Мида* „Забытая вѣра" (гностицизмъ) и изъ сочиненій Патанджали, **Бхагавадъ-Гита** (окончаніе), статьи по сравнительному изученію религіи (оригинальныя и переводныя) и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ искусства, педагогики, философіи и др, отдѣламъ.

Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**3** р. **50** к., за 3 мѣсяца—**2** руб. Отдѣльный №—**75** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—**40** к. Цѣна за границу **10** руб. Разсрочка за границу не допускается.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи**.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Ивановская, 22) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 1—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11 — 12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1911 г.**

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 часовъ дня.

Отъ Редакціи „Вѣстника Теософіи".

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ полный переводъ книги Эдуарда Шюре „Великіе Посвященные" (очеркъ эзотеризма религій) 410 стр. Цѣна **2** р. **25** к.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи" за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

Редакція.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА КНИГУ:

„АВТОБІОГРАФІЯ“

Анни Безантъ,

съ портретомъ. Переводъ *А. Каменской. (Alba).*

Цѣна по подпискѣ 1 руб. **20** к., по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Въ зависимости отъ успѣха подписки, книга можетъ быть выпущена въ началѣ 1911 г.

СОДЕРЖАНІЕ

февральской книжки „Вѣстника Теософіи“.

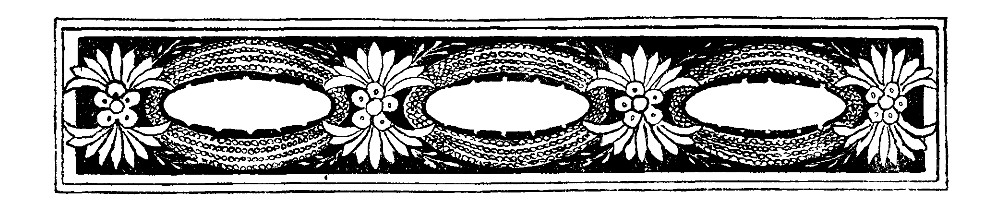
СТРАН.

1. Отъ Редакціи 1
2. Братство религій, А. Безантъ; пер. Е. П. (продолженіе) 2
3. Эволюція міра и человѣка, д-ра Р. Штейнера, пер. Е. П. (продолженіе) 6
4. Л. Н. Толстой и Н. И. Пироговъ какъ религіозные мыслители, М. С. 11
5 Неизданное письмо Л. Н. Толстого къ художнику . . . . Ж. Стика 26
6. Бхагавадъ-Гита (продолженіе), пер. И. М. и Alba . . . 28
7 Пѣснь брата солнца (пер. съ итальянскаго) W. 33
8. Обозрѣніе теософической литературы, Alba 38
9. Хроника теософическаго движенія 43
10. Хроника жизни, Н. Т. 45
11. Изъ газетъ и журналовъ, Н. Т. 50
12. Письмо изъ Швеціи, Е. Т. 57
13. Письмо изъ Англіи, Дана 59
14. Отдѣлъ духовныхъ исканій. Скитъ нерукотворный, . . . А. П. Назаровъ 68
15. Отзывы о книгахъ.
    Объявленія.

SOMMAIRE DU № DE FÉVRIER.

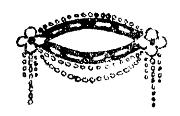
Pages.

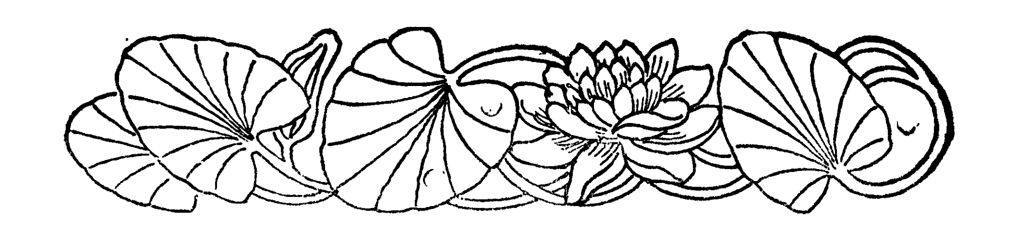
1. La Rédaction 1
2. La fraternité des religions, A. Besant (suite) 2
3. Evolution du monde et de l'homme, d-r R. Steiner, (trad. E. P.) 6
4. L. Tolstoï et N. Pirogoff, comme penseurs religieux, M. S. . 11
5. Lettre inédite de L. Tolstoï. 26
6. Bhagavad-Gita, (suite), tr. par I. M. et Alba 28
7. Chant du frère Soleil (tr. de l'italien) W. 33
8. Revue de la littérature théosophique, Alba 38
9. Chronique du mouvement théosophique 43
10. Chronique de la vie, N. T. 45
11. Revue des journaux, N. T. 50
12. Lettre de Suède, E. T. 57
13. Lettre d'Angleterre, Dana 59
14. A la recherche de l'Esprit. Le sanctuaire de la forêt, par A. Nazaroff 68
15. Revue bibliographique 68

Отъ Редакціи.

Редакція поздравляетъ читателей и подписчиковъ съ Новымъ Годомъ, сердечно благодаритъ за всѣ присланныя поздравленія и пожеланія, и съ своей стороны высказываетъ пожеланіе, чтобы 1911 г. укрѣпилъ дѣло Теософіи въ Россіи, чтобы оно ширилось и развивалось, проливая свѣтъ во всѣ области жизни, исцѣляя душевные раны и недуги, укрѣпляя духъ, и раскрывая все болѣе и болѣе тѣ свѣтлые горизонты, которые готовитъ намъ славное будущее.

Братство религій.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

I. Единство Бога.

Единство Бога есть центральное ученіе Религіи и единственно вѣрная основа нравственности. „Единый безъ второго“ говоритъ Индусъ [1]). „Слушай, Израиль, Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть“, провозглашаетъ еврей [2]). „Нѣтъ иного Бога, кромѣ Единаго“, утверждаетъ христіанинъ [3]). „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога“ [4]) говоритъ мусульманинъ. И всѣ остальныя религіи утверждаютъ тоже самое. Даже дикари, поклоняющіеся различнымъ формамъ, видятъ позади этихъ формъ „Великаго Духа“, которому они часто даютъ имя, указывающее на Его вездѣсущность.

Онъ Само-сущій, Безконечный и Вѣчный, Единая Жизнь, отъ которой зависятъ всѣ жизни, Единое Существованіе, изъ котораго черпаютъ свое бытіе всѣ существованія. Все, что существуетъ, пребываетъ въ Немъ; „Мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ“ [5]). Онъ былъ сравниваемъ съ океаномъ, волны котораго—міры, а брызги—миріады формъ; съ Огнемъ, изъ котораго исходятъ милліоны искръ и каждая изъ этихъ искръ—духъ; съ Древомъ, увѣшаннымъ безчисленными листьями, причемъ каждый листъ—отдѣльная жизнь. Онъ обширнѣе Пространства, и въ Немъ движутся безчисленныя миріады звѣздъ, изъ кото-

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 1.

1) Чандогья-Упанишадъ, VI. й 1.

2) Второзаконіе, VI, 4.

3) I Кор., VIII, 4.

4) Ал-Коранъ, VIII.

5) Дѣянія Ап., XVII, 28.

рыхъ каждая есть центръ отдѣльной системы. Онъ тоньше атома, ибо Онъ пребываетъ въ каждомъ атомѣ, какъ присущая ему жизнь. Нѣтъ ничего столь великаго, что могло бы перейти Его предѣлы, ничего столь малаго, что бы могло не войти въ Его предѣлы. „Онъ не имѣетъ ни формы, ни цвѣта, ни очертанія“ [1]), но всѣ формы черпаютъ въ Немъ свою красоту, всѣ цвѣта суть части Его бѣлаго Свѣта, всѣ очертанія—выраженія Его мысли. Съ незапамятныхъ временъ возникшія горы говорятъ намъ о Его дѣятельности, таинственная сѣнь полуденныхъ лѣсовъ тиха Его тишиной; потокъ, ручей, пѣсня птицы, шелестъ листвы,—все Это ноты Его голоса; пасущіяся среди пахучихъ травъ стада, цвѣтами украшенные луга, снѣжныя равнины, огонь солнца, прохладная тѣнь лѣсовъ, всѣ это различныя проявленія Его красоты; Онъ говоритъ въ высокихъ полетахъ тончайшей поэзіи, въ величіи благородной прозы, въ стройной мелодіи чудныхъ симфоній и въ мощной гармоніи гремящихъ струнъ, Онъ есть источникъ и цѣль стремленія мистика, Онъ—героизмъ мученика; Онъ присутствуетъ въ шепотѣ матери, склонившейся надъ своимъ младенцемъ, дрожитъ въ страстныхъ порывахъ юноши, улыбается въ застѣнчивомъ взорѣ дѣвушки, Онъ же—утоляющая сила въ рукѣ, возложенной на жгучую рану; Онъ открываетъ Себя черезъ пророка, святого и ученаго; Онъ есть сила слабаго, защита безпомощнаго, раскаяніе грѣшника и состраданіе праведника. Онъ наполняетъ Собою міры и въ то же время пребываетъ въ сердцѣ человѣка. Небеса воспѣваютъ Его славу [2]) и Онъ же утѣшаетъ скорбящаго, „какъ мать утѣшаетъ сына“ [3]). Онъ—Отецъ, Мать, Супругъ и Другъ для человѣческаго Духа, исходящаго изъ Него. Онъ есть „Совершенный Духъ“, которымъ все проникнуто [4]). И вмѣстѣ съ тѣмъ, Онъ болѣе всѣхъ міровъ: „построивъ эту вселенную изъ частицы себя, Я остаюсь“ [5]).

Тогда какъ сознаніе Божественнаго Единства есть основа религіи и нравственности, осуществленіе его придаетъ силу и радость жизни. Человѣкъ участвуетъ въ вѣчности Бога; раздѣляя Его природу, онъ не можетъ быть конечнымъ. Единая Жизнь выражается въ безчисленномъ разнообразіи формъ, но всѣ жизни сливаются въ Богѣ. Отсюда вытекаетъ, что всѣ мы дѣти въ домѣ

---

1) Ади Пранха Сахабъ Саратх, 1.
2) Псалмы, XIX, 1.
3) Исаи, IXVI, В.
4) Шветашватара-Упанишадъ, III, 9.
5) Бхагаватъ-Гита, X, 42.

Отца, и что всѣ мы—братья. По мѣрѣ того, какъ мы научаемся видѣть Божественное во всемъ и во всѣхъ, мы постигаемъ, что все движется къ блаженной цѣли. Будучи частицами Божества, мы всѣ несовершенны и наши отдѣльныя несовершенства вызываютъ всѣ наши дисгармоніи; но мы—частицы, которыя вырастаютъ въ совершенство по завѣту Христа: „И такъ будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный" [1]). Когда это будетъ достигнуто мы несомнѣнно достигнемъ единства.

Всѣ эти многочисленныя Я, сверхчеловѣческія, человѣческія и низшія, суть всѣ частицы Единаго Я и потому всѣ они предназначены къ совершенству.

„Они лишь раздробленный свѣтъ Твой" [2]).

Благо заключено въ неотвратимой судьбѣ нашей:

То—единое, отдаленное божественное событіе, къ которому двигается все твореніе" [3]).

Ибо на этой ли землѣ или на иной, среди блаженства на высочайшемъ небѣ, среди скорбей въ глубинахъ ада, мы не можемъ выйти изъ всеобъемлющаго круга Божественнаго Единства, и потому мы на вѣки въ безопасности. Въ прекрасной передачѣ библейскаго пѣвца";

„Куда пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего куда убѣгу?

Взойду ли на небо—Ты тамъ; сойду ли въ преисподнюю—и тамъ Ты.

Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря,—

И тамъ рука Твоя поведетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя" [4]).

Болѣе того, будучи частицами Божества, мы можемъ найти Бога, погружаясь въ самыя сокровенныя глубины нашего существа, за предѣлы измѣнчивыхъ чувствъ, мыслей и желаній нашихъ въ самую суть нашего Духа, изошедшаго отъ Него и имѣющаго навсегда свое бытіе въ Немъ. То, что вѣчно въ насъ, наше сокровенное Я, божественно. Индусскія священныя писанія учатъ, что, познавъ одинъ кусокъ глины, мы познаемъ всю глину; познавъ одинъ кусокъ золота, мы познаемъ все золото; познавъ одинъ кусокъ желѣза, мы познаемъ все желѣзо—какими бы именами люди ни называли предметы, сдѣланные изъ нихъ;—также и познавъ въ полнотѣ одно Я, мы познаемъ Единое Я, мы

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., V, 48.

[2]) In memoriam.

[3]) Тамъ же.

[4]) Псалмы, CXXXVIII, 7—10.

познаемъ Бога [1]). Поэтому Христосъ объявилъ, что познаніе Бога есть жизнь вѣчная [2]), и сказалъ: „ибо вотъ, царствіе Божіе внутри васъ есть" [3]).

Но божественное Я раскрывается только для тѣхъ, жизнь которыхъ чиста, кто исполненъ самоотреченія, преданности и кто сосредоточенъ на вѣчномъ.

„Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ" [4]).

„Тотъ, кто не отказался отъ злыхъ путей, кто не сосредоточенъ, не кротокъ душой и не обрѣлъ самообладанія, тотъ даже черезъ знаніе не можетъ придти къ Нему [5]).

Во истину Единое Я можетъ быть достигнуто постояннымъ упражненіемъ въ правдѣ, въ преданности, въ совершенномъ знаніи долга ищущаго богопознанія. Тотъ, кого созерцаютъ безгрѣшно поклоняющіеся, воистину пребываетъ въ нихъ самихъ, воистину Его природа, свѣтъ и чистота" [6]).

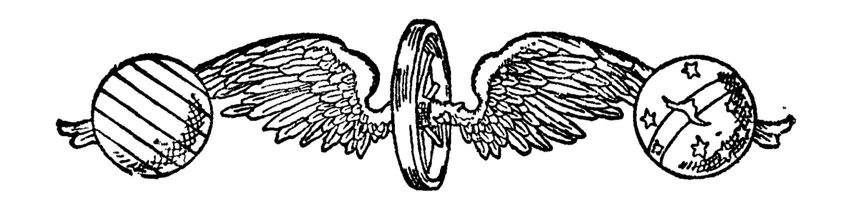
Таковъ древній узкій Путь, который бросаетъ свѣтъ на кажущееся противорѣчіе въ изреченіи святого Ансельма: „стань тѣмъ, что ты есть".

Пер. Е. П.

---

1) Чандогья-Упанишадъ VI, 1, 4, 5, Г.
2) Отъ Іоанна XVII, 3.
3) Отъ Луки XVII, 21.
4) Отъ Матѳія V, 8.
5) Катха-Упанишадъ 1, іі 24.
6) Мундака-Упанишадъ III, і 5.

Эволюція міра и человѣка.

Д-ра **Р. Штейнера.**

(*Продолженіе* *).

Астральный планъ.

Когда говоритъ оккультистъ, онъ не даетъ догматовъ, онъ даетъ свои живыя переживанія, онъ разсказываетъ, что самъ видѣлъ. Что такое астральный человѣкъ? Съ земной точки зрѣнія, это—всѣ *чувства* человѣка, его желанія и страсти, его горе и радости, и все вытекающее отсюда мышленіе (работа малаго разума). Въ теченіе 7—8 лѣтъ весь составъ человѣка обновляется, но его форма остается одна и та же. Почему? Потому, что только составныя частицы формы мѣняются, а *то*, что внутри формы, и та сила, которая строитъ физическое тѣло, приводя эти частицы въ необходимыя сочетанія,—оба эти начала пребываютъ неизмѣнно. Процессъ построенія тѣла невидимъ для физическаго зрѣнія, онъ производится съ помощью эфирнаго тѣла и физическіе органы воспріятія не могутъ уловить эту работу, потому что они воспринимаютъ только внѣшнее, только законченное, а не строющееся. Астральное зрѣніе—наоборотъ—не въ состояніи видѣть внѣшнее, оно видитъ только внутренняго человѣка со всѣми его настроеніями, слѣдовательно передъ нимъ становится явнымъ то, что человѣкъ переживаетъ въ тайникахъ своего внутренняго бытія: страсти и желанія, всѣ настроенія и переживанія астральнаго человѣка выражаются въ свѣтовыхъ явленіяхъ внутри ауры, которая окружаетъ его физическую оболочку.

Въ этихъ облачныхъ, свѣтовыхъ образованіяхъ, ясновидящій можетъ увидѣть все, что переживается человѣкомъ.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г., № 1.

Но эти наблюденія представляютъ не мало трудностей; хотя тотъ или другой темпераментъ даетъ астральному тѣлу необходимый основной тонъ (напримѣръ меланхолическій темпераментъ даетъ голубую окраску), но въ ауру врывается извнѣ такъ много разнообразныхъ воздѣйствій, что наблюдатель можетъ легко впасть въ ошибку, особенно если наблюдаетъ свою собственную ауру, которую видитъ всегда въ обратномъ порядкѣ, т. е. внутреннее какъ внѣшнее, и наоборотъ, внѣшнее какъ внутреннее.

Всѣ духовные вожди человѣчества, всѣ основатели религій, были совершенными ясновидящими и этимъ объясняются повторенія и аналогіи во всѣхъ религіяхъ. Этимъ объясняется и то, что какъ Будда даетъ восемь путей совершенства, такъ и Христосъ даетъ восемь заповѣдей блаженства.

Почему восемь? Совершенный ясновидящій знаетъ, что одновременно съ развитіемъ опредѣленныхъ добродѣтелей, въ астральной природѣ человѣка происходитъ совершенно опредѣленное явленіе: въ немъ развиваются тѣ внутренніе органы, которые у человѣка нашего времени только въ зачаткѣ. Эти органы, называющіеся въ Индіи чакрамы *), „священныя колеса“, „цвѣты Лотоса, раскрываются въ связи съ развитіемъ совершенно опредѣленныхъ духовныхъ свойствъ.

Одинъ изъ этихъ органовъ „Колесо о 16 спицахъ“, или „цвѣтокъ Лотоса о 16 лепесткахъ“ находится въ гортани. Въ раннія времена человѣческой эволюціи, когда человѣкъ обладалъ туманнымъ ясновидѣньемъ, этотъ органъ вращался; затѣмъ, когда у человѣка закрылось ясновидѣнье, остановилось и движеніе названнаго органа; въ наше время у ясновидящихъ онъ начинаетъ какъ бы оживать и снова вращаться.

При этомъ повторяется постоянно одно и то-же явленіе: ясновидящій видитъ изъ числа 16-ти спицъ восемь блестящими, а восемь тусклыми, темными. Это происходитъ оттого, что восемь частей (спицъ) органа развились въ прежней эволюціи стихійно, остальныя же восемь мы должны развить въ себѣ личными сознательными усиліями и тогда онѣ заблестятъ; это будетъ въ будущемъ, когда восемь соотвѣтствующихъ духовныхъ качествъ разовьются въ насъ. Монахи и челы или „ученики“, тренируя себя опредѣленной дисциплиной и чистой жизнью, вызываютъ къ дѣятельности эти органы.

---

*) Весьма любопытна книга американки Helene Keller «Mykey of life», слѣпой и глухой отъ рожденья, которая передаетъ свое внутреннее развитіе.

Въ области сердца имѣется другой чакрамъ о двѣнадцати спицахъ, изъ которыхъ точно также шесть свѣтлыхъ и шесть темныхъ; свѣтлыя были развиты въ прежнихъ эволюціяхъ, а шесть темныхъ будутъ развиваться по мѣрѣ того, какъ человѣкъ овладѣетъ слѣдующими духовными свойствами: 1) контролемъ надъ мыслями и чувствами; 2) иниціативой; 3) равновѣсіемъ; 4) оптимизмомъ (способностью во всемъ находить положительную сторону); 5) свободнымъ умомъ, не связаннымъ предразсудками, и 6) гармоніей душевной жизни.

Количество лепестковъ „Лотоса" имѣетъ опредѣленное отношеніе къ извѣстнымъ духовнымъ фактамъ: такъ, двѣнадцати лепесткамъ Чакрама въ области сердца соотвѣтствуютъ 12 рыцарей св. Грааля и 12 Апостоловъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою особый оттѣнокъ духовности. Гёте, знавшій такъ много оккультнаго *), выражаетъ именно эту идею въ своемъ стихотвореніи „Geheimnisse", т. е. что каждое новое начало, каждое новое религіозное откровеніе есть всегда тринадцатое объединяющее собой двѣнадцать представителей различныхъ оттѣнковъ новой духовной истины.

Символы никогда не измышляются. Оккультистъ, устанавливающій опредѣленный символъ для выраженія какой либо духовной истины, беретъ его всегда хотя изъ высшаго, но въ то же время и вполнѣ реальнаго міра. Такъ, символъ христіанскаго креста и браманистская свастика есть одновременно и символъ четырехлепестнаго Чакрама у человѣка.

Всѣ церемоніи религіознаго культа, которыя устанавливаются всегда ясновидящими, представляютъ собою никакъ не индивидуальныя измышленія, а берутся изъ живыхъ картинъ астральнаго міра, это—какъ бы проэкція духовнаго въ мірѣ чувственномъ. При возникновеніи новой религіи, „Посвященный", владѣющій мудростью и знаніемъ высшихъ міровъ, даетъ основу, по которой и устанавливается ритуалъ внѣшняго культа новой религіи.

Слѣдовательно, въ религіозныхъ культахъ члены духовнаго союза имѣютъ передъ собой, какъ бы въ отраженной картинѣ, дѣйствительность высшихъ міровъ, какъ бы тѣнь отъ происходящаго въ этихъ мірахъ. Съ развитіемъ человѣчества и религіозные культы разовьются до степени высокаго художественнаго совершенства, ибо и чувственныя проэкціи астральныхъ переживаній преобразуются въ высокую красоту. Нѣчто подобное было въ

*) Гёте былъ Розенкрейцеръ.

древнегреческомъ мірѣ. Въ греческихъ Мистеріяхъ, раскрывая передъ ученикомъ *какъ* развивался человѣкъ, помощникъ Іерофанта показывалъ ему на астральномъ планѣ три типа, три ступени человѣческаго развитія: первый показывался „Кругъ Сатира", второй—„Кругъ Гермеса", третій—„Кругъ Зевса". Видѣнное на астральномъ планѣ человѣкъ переносилъ въ искусство; такъ, изъ нѣдръ Мистерій, изъ отраженныхъ картинъ астральныхъ переживаній, возникла прекрасная греческая пластика. Данте, который былъ Посвященнымъ, считаетъ не даромъ тридцать пятый годъ въ земной жизни каждаго человѣка мистическимъ числомъ и не даромъ придаетъ ему большое значеніе, ибо земная жизнь представляетъ собою также круговой потокъ: до 35 лѣтъ идетъ расцвѣтъ физической жизни, развертываніе физическихъ силъ; въ 35 лѣтъ наступаетъ поворотная точка чрезвычайной важности, физическое перестаетъ брать всѣ силы и духовное освобождается. Эта освобожденная сила, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ преобразиться въ ясновидѣнье.

Здѣсь соприкосновеніе со скрытымъ закономъ, съ глубочайшей тайной... Тайна эта въ томъ, что человѣческое развитіе являетъ собою постепенное преобразованіе низшихъ органовъ (половыхъ). Въ этомъ—причина, почему оккультистъ можетъ такъ скоро подняться и такъ скоро пасть. Было время, когда астральное тѣло человѣка было иное, и тогда человѣкъ не владѣлъ свободой паденія. Это было тогда, когда человѣкъ былъ двуполый; позднѣе, астральное тѣло подверглось измѣненіямъ и раздѣлилось на двѣ части: на низшую и высшую; въ послѣдней слово и воленіе (Wollen) преобразились изъ основной первосилы въ новую силу. Отсюда—необъяснимая для физической науки связь между звукомъ и половой зрѣлостью въ мужскомъ индивидуумѣ. *) Это—отъ того, что творческое слово и производительная способность—по существу—одна и та же сила. Такъ произошла дифференціація астральнаго тѣла, а затѣмъ и физическаго тѣла и появилось два полюса тамъ, гдѣ прежде былъ одинъ основной органъ: *верхній* полюсъ, положительный, духовно-божественный; *нижній*—отрицательный, человѣко-животный.

„Слово" въ Евангеліи Св. Іоанна и есть та творческая Первосила, которая проявляется отраженнымъ образомъ въ человѣческой рѣчи. Глубокое выраженіе нашла себѣ эта идея въ древнихъ миѳахъ и сказаніяхъ. Въ греческомъ миѳѣ о Вулканѣ, Вул-

---

*) Гортань образовалась изъ того же основного органа двуполаго человѣка

канъ (символъ Посвященнаго), назначеніе котораго было завѣдывать священнымъ огнемъ, изображается хромымъ. Что это значитъ? То, что человѣкъ, при посвященіи, долженъ потерять свои низшія силы (воспроизводительныя); силы эти переходятъ въ высшія, слѣдовательно *физическій* человѣкъ долженъ нѣчто потерять, отсюда—хромота. Изъ этого можно вывести, что въ будущемъ, когда все человѣчество поднимется на высоту посвященныхъ, отъ него должно отпасть *низшее*, чтобы могли въ немъ развиться высшія силы, благодаря которымъ оно и будетъ въ состояніи подниматься на высшія ступени бытія. Низшее истаиваетъ какъ снѣгъ, вверху идетъ наростаніе новаго.

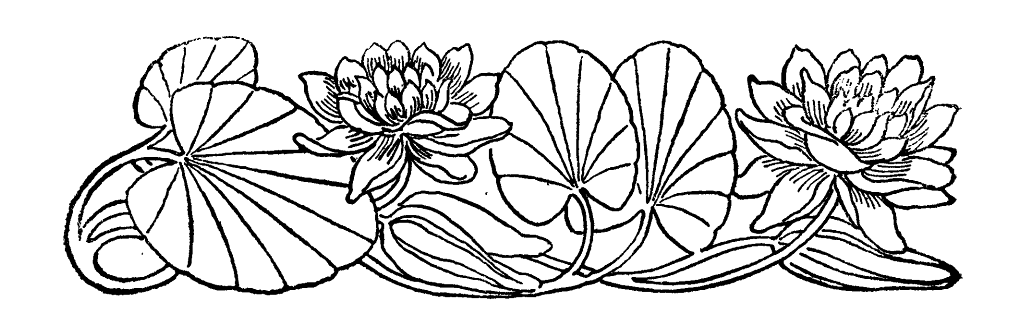
На нѣкоторыхъ средневѣковыхъ картинкахъ встрѣчается человѣческое изображеніе, раздѣленное линіей пополамъ такимъ образомъ, что голова и лѣвая половина верхней части человѣка помѣщается *надъ* чертой, а правая часть съ нижней половиной туловища—*подъ* чертой.

Эта линія служила указаніемъ на прошлое и на будущее человѣческаго тѣла.

Третій Чакрамъ, двухлепестный лотосъ, находится у носового корня; когда этотъ внутренній органъ разовьется, онъ создастъ и соотвѣтствующее физическое новообразованіе. Намекъ на эти будущія новообразованія даютъ рога, которыя изображаются на головѣ Моисея. Прошлое человѣчества выражается направленіемъ вверхъ и внизъ, настоящее и будущее—направленіемъ вправо и влѣво. Человѣкъ симметриченъ, но двѣ стороны его неравноцѣнны. Правая рука играетъ первенствующую роль, теперь она работаетъ усиленно, какъ бы потому, что ей предстоитъ уничтоженіе; въ будущемъ останется только лѣвая рука и лѣвая сторона груди, а мозгомъ будущаго станетъ *сердце*. Новообразованія, которымъ надлежитъ развиться изъ двухлепестнаго лотоса, будутъ органами воли, направляющими человѣческое тѣло и, вмѣстѣ съ лѣвой рукой, они будутъ въ то же время и органами передвиженія. Вотъ источникъ, изъ котораго возникла извѣстная загадка сфинкса: „утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ“. Символъ хромого Вулкана (отнятіе низшихъ силъ у Посвященнаго) изображаетъ великую тайну человѣческой эволюціи. Когда это выясняется, миѳы пріобрѣтаютъ совсѣмъ новый смыслъ, и мы начинаемъ чувствовать къ нимъ благоговѣйное уваженіе, какъ къ хранилищамъ внутренней Истины.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Сост. Е. П.

Л. Н. Толстой и Н. И. Пироговъ как религіозные мыслители.

Съ траурными днями Россіи, лишившейся Л. Н. Толстого, совпали поминки по другомъ ея великомъ сынѣ—Н. И. Пироговѣ. Въ рѣчахъ и статьяхъ, посвященныхъ тому и другому, многіе старались выяснить значеніе обоихъ дѣятелей для русскаго общества и человѣчества, въ томъ или иномъ отношеніи. Толстого разсматривали какъ искателя правды, какъ проповѣдника любви, какъ великаго художника, Пирогова—какъ врача, какъ педагога, какъ общественнаго дѣятеля, но мало кто вспомнилъ о нихъ (особенно о Пироговѣ) какъ о религіозныхъ мыслителяхъ. Необходимо напомнить объ этомъ, потому что религіозное міросозерцаніе было вѣнцомъ ихъ мудрости, „святое святыхъ" ихъ сердца, итогомъ ихъ долгой жизни, жизни прожитой не какъ „лѣнивый рабъ", а какъ добрый и мудрый—умножившій, удесятерившій свои таланты.

Оба мыслителя перешли къ своей вѣрѣ черезъ то поле, которое зовется сомнѣніемъ и невѣріемъ. Духъ вѣка, порожденный громадными успѣхами естественныхъ наукъ, былъ духомъ отрицанія и сомнѣнія. Слѣпая вѣра отцовъ была разрушена, и мѣсто ея заняла наука. Но душа обоихъ мыслителей не принимала міра безъ Божества, механическое міровоззрѣніе не удовлетворяло ихъ. И въ душѣ каждаго начался мучительный процессъ богоискательства. Ни къ тому, ни къ другому не пришло чудо, откровеніе, да они и не просили его. Они вопрошали только свой духъ. Въ немъ они искали отвѣта на вопросъ. Разумъ, лишившій ихъ вѣры, долженъ былъ отвѣтить и на вопросъ: есть-ли Богъ? И оба нашли

Бога. Толстой оставилъ намъ описаніе отысканія Божества въ своей „исповѣди“, Пироговъ—въ „дневникѣ стараго врача“, который тоже можно назвать „исповѣдью“. Но пути ихъ были различны. Великій художникъ-психологъ, котораго въ его произведеніяхъ интересовала болѣе душа человѣческая, въ душѣ своей и нашелъ Бога. Онъ описываетъ какъ, размышляя о томъ, есть-ли Богъ, онъ замѣтилъ, что душа его мгновенно увядаетъ, когда онъ утверждался на мысли, что Бога нѣтъ, и какъ наоборотъ оживала, разцвѣтала она, когда онъ приходилъ къ заключенію, что Богъ есть. Тогда то онъ сказалъ себѣ: какъ же можно говорить, что нѣтъ Бога, когда душа моя только тогда и живетъ, когда она сознаетъ Его и стремится познать Его. И это былъ камень, на которомъ онъ построилъ свою религію. Стремясь познать Бога, онъ создалъ и постъ (въ видѣ вегетаріанства, воздержанія отъ табаку, вина и вообще всякихъ плотскихъ излишествъ) и молитву (въ смыслѣ сосредоточенія своихъ душевныхъ стремленій на благомъ). Но онъ отвергъ всякій культъ, общественную молитву, пышныя богослуженія—считая, что все это не приводитъ къ Богу, а отводитъ отъ Него. Общество привыкло чтить въ Толстомъ великаго художника, и вотъ оказывается, что художникъ вовсе нечувствителенъ къ художественной сторонѣ религіи. Не показываетъ ли это, что ошибочно видѣть въ Толстомъ только великаго художника и ставить ему въ упрекъ то, что онъ бросилъ свои художественныя произведенія и принялся за философію и религію? Толстой—больше нежели художникъ, больше нежели писатель. Всякій художникъ прежде всего любитъ свое искусство, служитъ ему до конца, онъ наслаждается своимъ творчествомъ. Толстому не дорого было искусство, не дорога великая слава художника; онъ бросилъ искусство и отвернулся отъ славы, когда высшія велѣнія духа потребовали отъ него этого. Во истину онъ не изъ чего не сотворилъ себѣ кумира, и никто не можетъ сказать, что онъ не исполнилъ заповѣди: „Господу Богу твоему покланяйся и единому Ему служи“.

Пироговъ пришелъ къ Богу другимъ путемъ. Толстой изучалъ духъ, Пироговъ-матерію. И вотъ, разсматривая матеріальный міръ, онъ увидѣлъ въ немъ черты, говорящія ему о существованіи Разума, который начерталъ планъ мірозданія и ведетъ его къ невѣдомой цѣли. Разсматривая строеніе матеріи, онъ написалъ: „умственный анализъ, разлагая матерію до крайнихъ ея предѣловъ, превращаетъ ея атомы въ какіе-то математическіе точки или центры, до того отличные отъ подлежащаго нашимъ

чувствамъ вещества, что различіе между ними и тѣмъ, что мы называемъ силою, духомъ, исчезаетъ". (Дневн. стр. 187). Даже сама „грубая" матерія въ сокровенныхъ тайникахъ своихъ оказывается чѣмъ-то близкимъ къ духу. Не ограничиваясь обычнымъ представленіемъ, что мірозданіе построено изъ матеріальныхъ и сверхматеріальныхъ (духовныхъ) элементовъ, Пироговъ признаетъ еще существованіе промежуточнаго между ними элемента (стр. 9, 187), представляющаго посредствующее между духомъ и матеріей звено. Онъ говоритъ: „изъ моего міровоззрѣнія, откровенно изложеннаго въ этомъ дневникѣ, я заключаю, что существованіе Верховнаго Разума, а слѣдовательно и Верховной Творческой Воли, я считаю необходимымъ и неминуемымъ (роковымъ) требованіемъ моего разума, такъ что если бы я и хотѣлъ теперь не признавать существованіе Бога, то не могъ бы этого сдѣлать не сойдя съ ума. Къ такому твердому убѣжденію пришелъ мой семидесятилѣтній умъ послѣ разныхъ блужданій, доходившихъ до полнаго отрицанія" (стр. 155).

Признавши высшее творчество, разумное начало, Пироговъ переходитъ, какъ и Толстой, къ Христу, какъ къ величайшему провидцу этого начала. Но здѣсь ихъ пути расходятся. Для Толстого Христосъ только пророкъ, учитель, но не Богочеловѣкъ, и все, что въ Евангеліяхъ такъ категорически сказано о Богочеловѣчествѣ Христа, онъ отвергаетъ или старается объяснить иносказательно. И это придаетъ какую то догматическую сухость его изложенію Жизни Христа. Пироговъ же беретъ Христа такимъ, какимъ онъ является въ Евангеліяхъ, окруженнаго мистической тайной, чудесно пришедшаго и чудесно ушедшаго изъ нашего міра, оставивъ ему образецъ жизни и ученія, на которомъ „цѣлые вѣка тьмы, страстей, неистовствъ не оставили ни единаго пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ, на осквернителей", (Дневн. стр. 175). Идеалъ Божества, принявшаго тяжести человѣческой жизни, Пироговъ считаетъ необходимымъ: „Верховный вселенскій Разумъ и Верховная Воля дѣлаются для насъ доступнѣе въ лицѣ Богочеловѣка". Принявши мистическаго, а не земного Христа, Пироговъ не ушелъ и изъ православной Церкви, какъ Толстой, но остался въ ней, несмотря на то, что онъ во многомъ не согласенъ былъ съ ея догматами и считалъ, что въ ней во многомъ исчезъ Духъ Христа и замѣнился „духомъ вѣка сего". Но онъ думалъ, что какъ онъ не вправѣ уйти изъ жизни, такъ не вправѣ уйти изъ

Церкви, въ лонѣ которой родился, воспитался. Онъ считалъ это высшимъ предопредѣленіемъ, божественнымъ планомъ, начертаннымъ Вселенскимъ Разумомъ, и на этомъ планѣ и Православная Церковь и самъ онъ необходимыя звенья.

И такъ Толстой нашелъ Бога чрезъ разсматриваніе духа человѣческаго, „чѣмъ живъ“ этотъ духъ, Пироговъ же изученіемъ міра, но и тотъ и другой открыли Бога духомъ своимъ, собственнымъ усиліемъ и это конечно тотъ путь, который указывалъ и Христосъ: „отъ дней же Іоанна Крестителя донынѣ Царство Небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ Его“ (Мѳ. XI, 12). И тотъ и другой приложили великія усилія, чтобы „восхитить“ Царство Небесное. Обычно думаютъ, что истинность религіи болѣе всего доказывается чудесами, но Христосъ всегда отказывался отъ такихъ доказательствъ, потому что знаменія— доказательства для тѣхъ, кто не постигаетъ истиннаго смысла самого ученія.

„Онъ творитъ чудеса съ помощью князя бѣсовскаго“.

И, по словамъ Христа, и воскресшимъ изъ мертвыхъ не повѣрятъ люди, если не вѣрятъ самому ученію Моисея и Пророковъ. И Толстой и Пироговъ приняли ученіе Христа безъ чудесъ, пораженные самой красотой его. Для Толстого чудеса остались областью суевѣрій, да и для Пирогова вѣроятно тоже (стр. 112), даже со стороны Христа, котораго онъ считаетъ Богочеловѣкомъ. Умъ и того и другого, знакомый съ наукой своего времени, вездѣ констатирующій господство твердыхъ, ненарушимыхъ законовъ, не вѣрилъ въ измѣняемость ихъ волею сверхъ-человѣческихъ существъ, посылаемыхъ время отъ времени міру. Объ Толстомъ мы это знаемъ, а вотъ что говоритъ Пироговъ: „вѣруй въ любовь и уповай въ благодать Высшаго Предопредѣленія; молись всеобъемлющему Духу любви и благодати о благодатномъ настроеніи твоего духа. Блаженство, счастье, миръ души,—все въ этомъ настроеніи. Ни для тебя, ни для кого другого, ничто не перемѣнится въ свѣтѣ—не стихнутъ бури, не усмирятся бушующіе элементы; но ты, но настроеніе твоего духа можетъ быть измѣнено полетомъ души, окрыленной вѣрою въ благодать Святого Духа“ (стр. 200). Здѣсь онъ единомысленъ съ Толстымъ: благодать Святого Духа не въ уничтоженіи для насъ законовъ матеріи, а въ особомъ настроеніи души, дающемъ возможность переносить съ радостью тягости жизни.

Богъ былъ найденъ и душа наполнилась радостью. Но какое же отношеніе человѣка къ Богу? Церковь учитъ насъ, что мы—рабы Господни. Какъ рабъ безпрекословно повинуется господину, также и человѣкъ долженъ повиноваться Богу и Его велѣніямъ. Человѣкъ, правда, свободенъ въ выборѣ: если онъ хочетъ—онъ можетъ и не покориться, но для него лучше покориться и узнавать, что требуетъ отъ него Богъ, и тогда онъ становится не рабомъ, а возлюбленнымъ сыномъ Божіимъ. Вмѣсто словъ „рабъ" и „господинъ", дошедшихъ къ намъ изъ первыхъ временъ христіанства, Толстой любилъ употреблять взятыя имъ изъ русской трудовой среды слова: „работникъ" и „хозяинъ". Мы—божьи работники и должны исполнять волю своего Хозяина, какъ можно лучше и усерднѣе. Не своей волей пришли мы въ жизнь и не своей волей уйдемъ изъ нея и благо намъ, если мы исполнимъ предназначенную намъ работу. Только исполненіе Высшей Воли дастъ душѣ высшее удовлетвореніе. А воля Бога состоитъ въ томъ, чтобы мы умножали въ себѣ любовь. Одно изъ послѣднихъ произведеній Толстого (напечатанное въ „Сборникѣ Литературнаго фонда"), названное „Единая заповѣдь", опять и опять напоминаетъ міру о томъ, чтобы онъ старался любить ближняго своего, какъ самого себя. Но еще выше любви къ ближнему стоитъ любовь къ Богу, и если, угождая Богу, мы вызываемъ отпоръ въ ближнихъ, то не должны этимъ смущаться. Любовь къ ближнимъ состоитъ не въ томъ, чтобы угождать имъ, но чтобы, исполняя Божью волю, переносить ихъ гоненія, не раздражаясь на нихъ и не уставая твердить о Божьихъ повелѣніяхъ.

Пироговъ, принявши ученіе Христа, принялъ, конечно, и заповѣдь дѣятельной любви и горько сокрушался, находя справедливымъ упрекъ Христа въ недостаткѣ любви въ сердцѣ человѣческомъ. Въ періодъ невѣрія онъ дѣлалъ добро не изъ желанія дѣлать добро, а, напр., занимался безплатной практикой изъ научнаго интереса. Послѣ же своего обращенія онъ часто затруднялся дѣлать добро, боясь быть обманутымъ, или въ неувѣренности, добро или зло онъ сдѣлалъ. Слова Христа: „вы злы" живымъ упрекомъ становились тогда передъ нимъ и онъ мучился, не будучи такъ увѣренъ душею, какъ Яснополянскій мудрецъ (190 стр.). Но дѣлами дѣятельной любви полна вся его жизнь и онъ такъ же, какъ Толстой, исполнилъ волю Отца Небеснаго, которую и тотъ и другой нашли полнѣе всего выраженной въ Евангельской заповѣди Любви.

Совершенно различно отношеніе обоихъ мыслителей къ культурѣ. Толстой, помня заповѣдь: „ищите прежде всего Царствія Божія и правды Его“, не принимаетъ нашего міра, въ которомъ силы направлены совсѣмъ не къ достиженію этого Царства. Техника заботится объ облегченіи матеріальныхъ условій существованія, доставляя его въ дѣйствительности только немногимъ, или занимается изобрѣтеніемъ разрушительныхъ и вредоносныхъ снарядовъ, для борьбы человѣка съ человѣкомъ; наука затрачиваетъ колоссальныя силы для накопленія знаній, польза которыхъ проблематична; искусство не служитъ единенію людей между собою, развивая въ людяхъ низменныя стороны или вражду другъ къ другу; погоня за матеріальными и умственными наслажденіями заставляетъ людей лихорадочно и напряженно работать и захватывать у другихъ для себя все больше и больше этихъ благъ и воспитываетъ не воспріимчивость къ дѣйствительной нуждѣ другихъ и прославленная „дѣловитость“ нашей культуры не является вовсе ея достоинствомъ, а недостаткомъ, потому что вѣчно занятый „дѣлами“ человѣкъ не находитъ времени подумать о себѣ и узнать дѣйствительную цѣну своихъ „дѣлъ“. И Толстой проповѣдуетъ „недѣланіе“, т. е. воздержаніе отъ тѣхъ дѣлъ, которыя вовсе не на пользу человѣка, отъ которыхъ онъ „не въ Бога богатѣетъ“. Не надо намъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телефоновъ, ни театровъ, ни пышныхъ жилищъ. Напротивъ, будемъ вести простую и трудолюбивую жизнь, производя сами все необходимое для своей жизни, будемъ носить простую одежду, ѣсть простую пищу, сами трудиться надъ своимъ пропитаніемъ, чтобы, удовлетворивъ свое тѣло, мы имѣли возможность служить другимъ, не обременяя себя излишними трудами, направленными на удовлетвореніе роскоши и похотей. Организація общества направлена къ тому, чтобы немногимъ жить паразитами на счетъ многихъ, чтобы держать трудящіяся массы въ подчиненіи и такомъ умственномъ состояніи, чтобы они признавали законнымъ свое подчиненіе своимъ властителямъ свѣтскимъ и духовнымъ. И вотъ Толстой говоритъ, что не надо никакой общественной принудительной организаціи, не надо государства съ его войсками, тюрьмами, судомъ, не надо принужденій, все должно быть основано только на Любви. То, что отъ насъ требуетъ насиліе человѣческое въ нарушеніе заповѣди любви, не должно быть исполняемо. Если же на насъ обрушатся гоненія, кары, преслѣдованія, мы должны переносить ихъ, но отнюдь не отвѣчать нашимъ гонителямъ тѣмъ же. Здѣсь мы встрѣчаемся со знаменитымъ ученіемъ Толстого о непротивленіи злу

насиліемъ, ученіи, основанномъ на поразившемъ его текстѣ Евангелія: „а Я тебѣ говорю—не противься злому, но кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему и лѣвую“ (Мѳ. V, 39). Это ученіе вооружило противъ него всѣхъ, кто считалъ себя вправѣ совершать насиліе надъ людьми для ихъ же блага. Съ одной стороны, правительства считали себя вправѣ употреблять насиліе надъ своими подданными, съ другой революціонеры считали себя вправѣ бороться съ враждебными имъ правительствами путемъ террористическихъ актовъ, бунтовъ, революцій и т. д. И тѣ и другіе обрушились на Толстого, но онъ до конца жизни оставался вѣренъ этому взгляду, безпощадно осуждая войны, казни, политическія убійства, революціи, утверждая, что все это только умножаетъ злобу между людьми и не создаетъ ничего добраго.

Ничего подобнаго нѣтъ у Пирогова. Онъ не отрицаетъ ни государства въ его современной формѣ, ни тѣхъ формъ науки, искусства, техники, какія существуютъ нынѣ. Онъ вѣрный сынъ своей Церкви, вѣрный подданный своего государства, награжденный за свои заслуги высокимъ чиномъ. Онъ принимаетъ жизнь такою, какая она есть, считая современное ея состояніе предначертаннымъ свыше, какъ переходная ступень къ лучшему и совершеннѣйшему. Рожденію этого лучшаго, совершеннѣйшаго состоянія жизни онъ считаетъ себя обязаннымъ содѣйствовать и всю свою жизнь работаетъ, какъ врачъ, педагогъ и общественный дѣятель, со взглядами умѣреннаго политическаго либерала и постепеновца. Какъ для ученаго, — для него жизнь человѣческая прежде всего процессъ, направляемый къ невѣдомой цѣли Высшимъ Разумомъ, но процессъ, протекающій во времени и для каждаго даннаго момента этого процесса имѣющій свои временныя задачи. Толстой же всегда рвется вонъ изъ оковъ времени. Онъ не считается съ предшествовавшими обстоятельствами жизни человѣчества, не спрашиваетъ объ его будущемъ; будущее человѣчества это—дѣло не наше, это дѣло Небеснаго Хозяина; для насъ же существуетъ только настоящее и въ это настоящее время мы должны исполнить волю своего Хозяина, не заботясь о послѣдствіяхъ и вѣря, что разъ воля Божія исполнена — все будетъ хорошо.

Какое же значеніе имѣютъ эти два человѣка, какъ религіозные мыслители? значеніе ихъ различно, сообразно характеру ихъ религіозныхъ взглядовъ и весьма различной величинѣ ихъ личности и вліянія. Значеніе ихъ обоихъ прежде всего въ томъ, что они мыслители *религіозные.* Чтобы пояснить мою мысль, я приведу

слѣдующія слова Пирогова: „нашъ смыслъ, а вмѣстѣ съ нимъ всѣ наши міровоззрѣнія подчиняются закону періодичности, играющей въ нашей, какъ и всей міровой жизни, важную роль. Старое и забытое является въ извѣстные періоды снова на свѣтъ, но, конечно, всегда въ иномъ видѣ; новыя скопившіяся пріобрѣтенія опыта вызываютъ на свѣтъ забытое и придаютъ ему свѣжесть и новую силу. Ново только то, что хорошо забыто,—это изреченіе скептика имѣетъ свою долю правды“ (стр. 40); „надо помнить, что излюбленное передовыми умами, а за нимъ и цѣлымъ обществомъ направленіе истины всегда временно и, отживъ свой срокъ, уступаетъ мѣсто другому, нерѣдко совершенно противоположному“ (стр. 126). Въ возрожденіи религіознаго міросозерцанія мы видимъ характерную особенность нашего времени, проявленіе того закона періодичности, который Пироговъ усматриваетъ въ жизни народовъ. Послѣ антирелигіознаго настроенія умовъ мыслящаго человѣчества наступаетъ періодъ съ противоположнымъ направленіемъ. Еще такъ недавно Толстой и Вл. Соловьевъ были почти одинокими, какъ религіозные мыслители среди русскаго общества. Теперь же мистическіе взгляды такъ широко распространяются, что вызываютъ серьезную тревогу и отпоръ со стороны представителей противоположнаго образа мыслей. Великіе мыслители Толстой и Пироговъ были *провозвѣстниками религіознаго міросозерцанія*. Они—знаменіе времени.

Затѣмъ обратимъ вниманіе на слѣдующую характерную особенность обоихъ мыслителей. Обыкновенно среди матеріалистически мыслящихъ людей принято думать, что если люди большой умственной силы обращаются къ религіи, то тутъ происходитъ что-то патологическое, какой-то умственный и физіологическій дефектъ. „Слабость тѣла и духа, болѣзнь, нужда, горе и бѣды считаются главными разсадниками вѣры“ говоритъ тотъ же Пироговъ (стр. 173). Но вотъ передъ нами Пироговъ и Толстой, люди не отягченные никакими недугами, не подверженные никакимъ галлюцинаціямъ, люди высокой умственной силы, доходящей у Толстого до высочайшей геніальности, и оба они, вопрошая только свой разумъ, а не черезъ небесныя видѣнія, приходятъ къ религіи. Приведу слѣдующія слова современнаго публициста о Толстомъ: „Проникновеніе религіей, религіозныя „обращенія“ весьма часто соединяются съ экстатическимъ, „патологическимъ“ состояніемъ духа. Вольтеръ считалъ религіозность Паскаля сумасшествіемъ; въ наше время говорятъ объ его наслѣдственной неврастеніи. И вообще часто замѣтна опирающаяся на извѣстные

неоспоримые факты склонность религіозное направленіе мысли и чувствъ разсматривать какъ выраженіе психической неуравновѣшенности, какъ явленіе, по существу ненормальное и болѣзненное въ человѣкѣ, ставшемъ на уровнѣ новѣйшей культуры. Съ этой точки зрѣнія примѣръ Толстого въ высшей степени поучителенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ отдался религіи, онъ живетъ только ею: къ его религіозности не подмѣшивается никакихъ мотивовъ, постороннихъ религіи. И въ то же время религіи онъ отдался въ состояніи полнаго физическаго и душевнаго здоровья. Его „обращеніе" къ Богу не можетъ быть объяснено никакими „физическими" причинами, никакой „физіологіей" или „патологіей". Это дѣло чистаго духа, фактъ моральный или „спиритуальный" въ самомъ позитивномъ смыслѣ слова. Именно этотъ характеръ обращенія Толстого къ Богу придаетъ ему особое и глубокое философское значеніе" (П. Струве.—Л. Толстой. „Русск. Мысль", 1908 г., VIII кн.).

Въ обоихъ случаяхъ религія родилась не изъ немощи, а изъ мощи духовной (а у Толстого и тѣлесной), явилась итогомъ долгой и мучительной работы всей жизни и освѣтила радостнымъ свѣтомъ всю жизнь.

Переходя въ отдѣльности къ каждому мыслителю, прежде всего остановимся на Пироговѣ. За предѣлами своей родины онъ врядъ ли будетъ имѣть значеніе. Сила его вліянія вся въ чертѣ родной намъ Россіи (я говорю о немъ, какъ о религіозномъ мыслителѣ). Но здѣсь онъ стяжалъ себѣ такую преданность, уваженіе, благоговѣйную любовь, что и его вліяніе, какъ религіознаго мыслителя, несомнѣнно въ недалекомъ будущемъ должно сказаться. Главная особенность его религіозности такъ охарактеризована въ рѣчи свящ. Каминскаго, сказанной среди многихъ другихъ рѣчей при прощаніи Пирогова съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ: „вашъ умъ—въ послушаніи вѣрѣ; ваша мудрость не по преданію человѣческому или по стихіямъ міра, а по Христѣ. Естественная религія, одинокая въ людяхъ, богатыхъ вѣдѣніемъ естественнымъ, въ васъ оживлена и утверждена религіею откровенною; истина, почерпнутая изъ источника человѣческой науки, озарена свѣтомъ истины евангельской; та и другая мирно обитаютъ въ васъ, поддерживая другъ друга, гдѣ нужно: вы ясно показали въ себѣ, что наука мирно можетъ жить съ вѣрою!" (соч. Пир., т. II, стр. 548). Но это подчиненіе „религіи естественной"—„религіи откровенной" не обходилось безъ раздвоеній. Пироговъ откровенно

признается, что онъ ведетъ „двойную бухгалтерію души“, какъ смѣясь называлъ К. Фохтъ умѣнье совмѣщать въ своей душѣ вѣру и знаніе, противорѣчащія другъ другу. Полнаго примиренія, полной послѣдовательности онъ не достигъ. Полную послѣдовательность во взглядахъ онъ считаетъ возможнымъ достигнуть только двумъ сортамъ людей: крѣпкимъ духомъ и ограниченнымъ. Когда онъ признался себѣ, что онъ не принадлежитъ къ разряду крѣпкихъ духомъ, онъ пересталъ смущаться этимъ и отказался отъ прямолинейной послѣдовательности своей молодости: „по мѣрѣ того какъ я знакомился съ жизнью и наукою—и міровоззрѣніе мое дѣлалось менѣе ограниченнымъ, я прозрѣлъ и убѣдился, что, не принадлежа къ разряду esprits forts, нельзя быть вполнѣ послѣдовательнымъ. Что я говорю? Можно. Но какъ? Сдѣлавшись подлецомъ передъ Богомъ и передъ собою“. Думается, что эта раздвоенность была бы въ концѣ концовъ преодолѣна Пироговымъ, по слову Евангелиста: „всякій ищущій находитъ и стучащему отворятъ“, но смерть разрѣшила для него загадки земного бытія уже въ иномъ мірѣ.

Обращаясь теперь къ Толстому прежде всего припомнимъ, съ какой величиной мы имѣемъ дѣло. Если имя Пирогова какъ ученаго извѣстно отчасти и въ Европѣ, то Толстой не только европейское имя, но и міровое. За всю свою тысячелѣтнюю исторію Россія впервые породила человѣка съ такимъ всеміpнымъ значеніемъ. Да это справедливо не только по отношенію къ Россіи, но и ко всей Европѣ. Въ ней есть имена общеевропейскаго значенія, есть умы, властвовавшіе надъ умами всей западной культуры, но нѣтъ имени, которое знали бы всѣ народы земли. Это былъ голосъ, къ которому съ любовью или ненавистью прислушивался весь міръ. Страны восточной цивилизаціи—Индія, Китай, Японія, страны мусульманскія такъ же хорошо знаютъ Толстого, какъ и всѣ европейскіе народы. Углубляясь въ даль вѣковъ, мы не скоро встрѣтимъ такое вліяніе. Еще такъ недавно въ Россіи господствовалъ взглядъ, что Толстой только великій художникъ, а изъ писаній его, написанныхъ послѣ „Исповѣди“, только и цѣнны беллетристическія, какъ „Власть тьмы“, „Воскресеніе“, „Крейцерова соната“ и т. п., а всѣ его религіозно-философскія и этическія писанія не имѣютъ цѣны, а между тѣмъ онъ теперь всеміpно знаменитъ именно только послѣдними, а не первыми. Если въ Европѣ читали и будутъ читать „Войну и Миръ“, „Анну Каренину“ и въ настоящій историческій моментъ преимущественно ихъ, потому

что уши скептическаго вѣка закрыты для словъ религіи, то на религіозномъ востокѣ Толстого знаютъ именно какъ религіознаго проповѣдника. Поэтому думается мнѣ, что, пересматривая наслѣдіе Толстого, потомство величайшимъ памятникомъ его твореній назоветъ не „Войну и Миръ", не „Анну Каренину", не что-либо другое, но—„Кругъ чтенія", ту книгу, кстати сказать, читать которую онъ заставлялъ себѣ въ послѣдніе дни передъ своей кончиной.—Остановимся на минуту надъ этой книгой. Прежде всего тутъ Толстой хотѣлъ дать не „книгу" (слово, бывшее нѣкогда священнымъ, а теперь далеко не священное), а—пищу духовную. „Кругъ чтенія" написанъ не для того, чтобы его прочесть и отложить въ сторону, какъ мы откладываемъ любую книгу или газету, а для того, чтобы ея чтеніемъ ежедневно питать свою душу, какъ тѣло ежедневно питаемъ пищей. Она разсчитана на цѣлый годъ и раздѣлена на дни и недѣли. На каждый день дано нѣсколько краткихъ изреченій, извлеченныхъ изъ литературы всего міра. Тутъ на первомъ планѣ конечно Евангеліе, посланія Апостоловъ, есть отрывки изъ Отцевъ Церкви, изъ христіанской апокрифической литературы, но широко использована и религіозная литература другихъ народовъ: древне-индійская, китайская, магометанская, крупное мѣсто занимаютъ мысли философовъ стоической школы, встрѣтимъ и Ѳому Кемпійскаго и затѣмъ всѣхъ новѣйшихъ мыслителей даже такихъ, которымъ Толстой совершенно чуждъ по своимъ воззрѣніямъ, напр., Ницше. Словомъ, отовсюду, отъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ взято имъ то, что по его мнѣнію можетъ служить укрѣпляющею духовною пищею. Все это въ короткихъ изреченіяхъ. Каждый день посвященъ одному какому-нибудь вопросу (какъ, напр.: безсмертіе, богатство, Богъ, вегетаріанство, войны, воспитаніе, гордость, духъ, законъ и т. д.). Добрая половина всей книги написана самимъ Толстымъ, почти всѣ изреченія безъ подписи принадлежатъ ему. Черезъ каждые семь дней въ книгѣ идетъ „недѣльное чтеніе"; эти недѣльныя чтенія состоятъ изъ разсказовъ, статей по разнымъ вопросамъ, біографій, посвященныхъ преимущественно религіознымъ искателямъ, именамъ, часто мало извѣстнымъ или вовсе неизвѣстнымъ широкой читающей публикѣ.

Объ „Кругѣ чтенія" мало знаютъ, даже до смѣшного. Одинъ господинъ изъ того круга, который принято называть неинтеллигентнымъ, высказывалъ искреннее недоумѣніе по поводу того, что Толстого считаютъ великимъ писателемъ, тогда какъ онъ видѣлъ его книгу „Кругъ чтенія" и находитъ, что вовсе не трудно

написать такую книгу: стоитъ только списать эти изреченія съ отрывного календаря... Но мнѣ довелось читать рецензію въ одной уважаемой и распространенной газетѣ, объ одномъ выпускѣ „Круга чтенія". Видно было, что рецензія потому только написана, что книга украшена именемъ Толстого, что внутренняя суть книги для рецензента осталась непонятной и все, что онъ сдѣлалъ, это только констатировалъ фактъ выхода книги и выписалъ нѣсколько изреченій, показавшихся ему „любопытными". Что еще знаютъ о „Кругѣ чтенія"? Нѣкоторые, пожалуй, знаютъ, что теперь его, какъ полную книгу, не купить, потому что фирма „Посредникъ" выпустила его тремя выпусками, изъ которыхъ второй былъ вскорѣ изъятъ изъ продажи, такъ что можно купить только первый и третій. Вотъ и все.

А между тѣмъ эта книга представляетъ величайшее твореніе величайшаго духа, вѣнецъ творчества того, кого такъ часто называли въ эти дни—„совѣстью міра". И кому же, кромѣ Толстого, можно бы было поручить эту работу, если бы современному человѣчеству, а не самому Толстому, пришла мысль составить такую книгу, которая была бы ежедневной пищей духовной?

„Онъ будетъ великъ предъ Господомъ; не будетъ пить вина и сикера и Духа Святого исполнится еще отъ чрева матери своей. И многихъ изъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ къ Господу Богу ихъ. И предъидетъ предъ Нимъ въ духѣ и силѣ Иліи, чтобы возвратить сердце отцевъ дѣтямъ и непокорливымъ образъ мыслей праведниковъ, дабы представить Господу народъ приготовленный" (Луки I, 15—17). Эти слова Евангелія сказаны объ Іоаннѣ Крестителѣ. Думаю, что они очень подходятъ и къ Яснополянскому мудрецу. Вѣдь онъ „великъ предъ Господомъ", что бы ни говорили его враги и какъ бы ни были велики его ошибки. И онъ „не пилъ вина и сикера", т. е. избѣгалъ чувственныхъ наслажденій. Былъ ли онъ „исполненъ Духа Святого отъ чрева матери своей"? Мы недавно узнали, что мѣсто, гдѣ Толстой завѣщалъ похоронить себя, было мѣсто дѣтскихъ игръ, гдѣ братъ его зарылъ „зеленую палочку", которая должна была дать счастье міру, и это была такая любимая его дѣтская игра, такъ была дорога его дѣтской душѣ, что онъ и тѣло свое восьмидесятилѣтняго мудреца, на котораго обращены были взоры всего міра, велѣлъ похоронить тамъ, гдѣ они съ братомъ играли въ эту зеленую палочку. Отъ дѣтскихъ лѣтъ мечтавшій о счастьи міра, онъ и восьмидесятилѣтнимъ старикомъ болѣлъ о грѣхахъ міра и своихъ соб-

ственныхъ и, теряя физическія силы, все старался подняться выше и выше по ступенямъ нравственнаго совершенства. Какой же это духъ, если не „святой“? „Многихъ изъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ къ Господу Богу ихъ“—конечно, роль его въ обращеніи вниманія на религію громадна: вѣчный Богоискатель самъ, онъ заставилъ многихъ искать Бога, и въ будущемъ его вліяніе въ этомъ отношеніи еще возрастетъ. Что въ немъ была частица духа и силы великихъ пустынниковъ Иліи и Іоанна, врядъ ли можно сомнѣваться: это были такой духъ и такая сила, что его слушали отъ царскаго чертога до черной избы, отъ края земли и до края ея. Въ вѣкѣ скептическомъ и невѣрующемъ не возвратилъ ли онъ „сердца отцевъ дѣтямъ“, сердца отцевъ, пламенѣвшихъ религіозностью? Не возвратилъ ли онъ многимъ „непокорливымъ образъ мыслей праведниковъ“ въ вѣкѣ развращенномъ, жадномъ до наслажденій, покланяющемся успѣху, богатству и грубой силѣ? Вся эта цитата такъ подходитъ къ нашему мудрецу, что я и назову его „предтечей“... Предтечей кого?—спросите вы. Я думаю, что надо спросить не „кого“, а „чего“. И отвѣчу: онъ является предтечей новой религіи, нарождающейся на землѣ. Толстой не оснуетъ новой религіи, но дастъ ей „народъ приготовленный“. И въ его трудахъ можно уже предугадывать главныя черты новой религіи. Когда Толстого упрекали въ томъ, что онъ ушелъ изъ Церкви, онъ отвѣчалъ, что онъ не уходилъ изъ Церкви и болѣе всего боится уйти изъ той церкви, въ которой состояли и Будда и Конфуцій и многіе подвижники и учители человѣчества и христіанскаго и нехристіанскаго исповѣданій. Вотъ эта новая религія, грядущая въ міръ, признаетъ, что не въ нашей только мѣстной религіи спасеніе, а что спастись можно по всякой вѣрѣ, и извлечетъ изъ всѣхъ религій вѣчное и общее, отбросивъ временное и мѣстное, оснуетъ Вселенскую Церковь, покоряя не матеріальной силой, а духомъ кротости, пониманія и прощенія.

Ближайшіе протекшіе дни показали, какъ велико обаяніе Толстого въ родномъ ему народѣ, какъ передъ нимъ склонились люди самыхъ различныхъ партій, самыхъ различныхъ взглядовъ, но они же, эти дни, показали, какъ мало еще среди этихъ почитателей тѣхъ, кто былъ бы близокъ ему по духу. Правые въ Думѣ, назвавши его „великимъ Патрокломъ“, тутъ же пообѣщали стереть съ лица земли „презрительныхъ Терситовъ“, т. е. своихъ политическихъ противниковъ, и послѣ этого акта злобы уже при-

няться за дѣла любви, проповѣданныя Толстымъ. Учащаяся молодежь подъ предлогомъ чествованія Толстого устроила политическія демонстраціи или (въ честь отрицателя культовъ и общественныхъ молитвенныхъ пѣснопѣній) „процессіи“ съ несеніемъ портрета, т. е. „образа“, и пѣніемъ вѣчной памяти. Правые помнили, что Толстой порицалъ террористическіе акты, лѣвые—что онъ писалъ противъ смертной казни. Но о томъ, что не давало воды на чье бы то ни было колесо, т. е. о главныхъ корняхъ Толстовскаго ученія — позабыли. Непротивленіе злу насиліемъ, богоискательство, опрощеніе, воздержаніе и главное—любовь—кто вспомнилъ объ этомъ въ той широтѣ, въ какой требовалъ Толстой?

Толстой былъ міровымъ геніемъ, но онъ родился среди русскаго народа, печать котораго лежала на немъ, любилъ трогательной любовью русскій трудовой народъ, писалъ на русскомъ языкѣ, величайшимъ мастеромъ котораго и признается всѣми. Все это не даромъ. Нѣтъ ли въ этомъ высшаго предопредѣленія? И дѣйствительно, въ русской духовной жизни, когда мы перейдемъ къ ней отъ мірового значенія Толстого, значеніе его также громадно.

Когда онъ писалъ свои первыя религіозно-философскія произведенія, жизнь русскаго образованнаго общества носила особый духовный обликъ, который былъ совершенно противоположенъ тому, чѣмъ явился Толстой. Самыми яркими чертами интеллигенціи были ея безрелигіозность и вѣра во всемогущество общественныхъ условій. „Измѣните общественныя условія и измѣнится самый человѣкъ“—вотъ была формула, которая трудами русскихъ публицистовъ, а въ особенности Добролюбова, была твердо внѣдрена въ умы русской интеллигенціи. И вотъ явился Толстой, который говоритъ, что какъ бы вы ни измѣняли политическія и соціальныя условія жизни, человѣкъ отъ этого не дѣлается лучше. Задача каждаго человѣка — не дожидаясь перемѣны соціальныхъ условій, постоянно работать надъ собой. Каждый человѣкъ долженъ заботиться объ одномъ: чтобъ самому становиться лучше, приближаясь къ божественному идеалу, и другимъ помогать въ этомъ; это его главная задача, а все остальное приложится. Всѣ эти положенія отвергаются большинствомъ тѣхъ, кто нынѣ чествуетъ его.

Но, припомнимъ, — вѣдь онъ былъ русскій и мы съ вами тоже русскіе и не даромъ же онъ появился среди насъ знающій, любящій насъ, читающій въ душахъ нашихъ, какъ въ раскрытой

книгѣ; думаю, что въ каждомъ изъ насъ есть частица того духа, который горѣлъ въ немъ, и вѣрю, что сѣмена, посѣянныя имъ, не заглохнутъ, но принесутъ плодъ сторицею. Если мы гордимся имъ какъ нашимъ національнымъ величайшимъ геніемъ, то на насъ лежитъ нравственная обязанность взростить въ своихъ сердцахъ тѣ отборныя зерна, которыя онъ туда бросилъ, а не дать зарасти имъ сорными травами. Мы должны больше проникнуться духомъ его ученія, чтобъ онъ не оказался пророкомъ за предѣлами отечества своего. Этого требуетъ дѣйствительная любовь къ нему.

М. С.

Извлеченія изъ Книги Невидимой *).

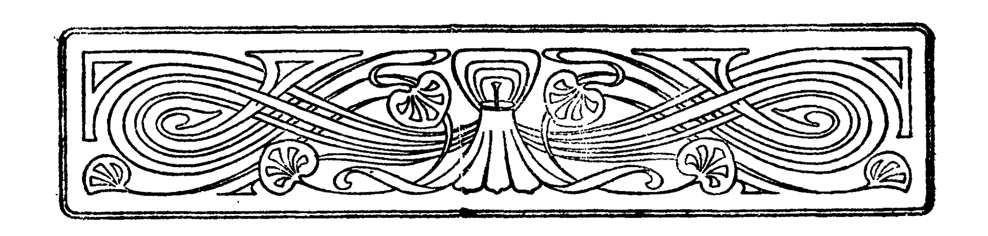
Камнемъ въ нѣдрахъ горъ я вѣка лежалъ,
И на той же горѣ я, какъ левъ, рычалъ,
И на той же горѣ листвой осѣнялъ,
И на той же горѣ человѣкомъ рыдалъ.
Скоро ли кончится сонъ земныхъ вѣковъ?

(Изъ книги невидимой).

Горы, холмы земли—братцы, сестры мои,
Даже камни дорогъ—други вѣрны мои,
Неба своды, лучи—какъ отцы мои,
Звѣри дикіе—братцы милые,
Рѣки тихія—обрученныя мнѣ, навсегда мои.
А и миръ вамъ, сестры-звѣздочки,
Звѣзды ясныя—вы цвѣты небесъ,
Всѣ цвѣты полей въ вѣнцахъ царскихъ,
Лучи солнечные—гонцы радостные,
Камни мирные, придорожные, молчаливые,
Я передъ вами, передъ всѣми лицомъ ницъ до земли простираюсь,
Отъ васъ всѣхъ озаряюсь...

---

*) Александра Добролюбова. Изданіе этой книги вышло и не находится болѣе въ продажѣ.

Письмо Льва Николаевича Толстого къ художнику Ж. Стика.

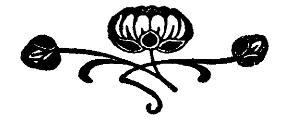
„Мнѣ сдается, что вашъ упрекъ въ томъ, что я основываю свои религіозныя убѣжденія на одной только книгѣ, на Евангеліи, проистекаетъ изъ недоразумѣнія. Вы спрашиваете меня, думаю ли я дѣйствительно, что всякій просвѣщенный человѣкъ не имѣетъ иного пути совершенствованія, кромѣ евангельскаго. Никогда этого у меня въ мысляхъ не было. Ученіе Іисуса является для меня лишь однимъ изъ прекрасныхъ и великихъ религіозныхъ ученій, унаслѣдованныхъ нами отъ египетской, еврейской, индусской, китайской, греческой древности. Два великихъ принципа Іисуса: любовь къ Богу, т. е. къ абсолютному совершенству,—любовь къ ближнему, т. е. ко всѣмъ людямъ безо всякаго различія, были (какъ то и не могло быть иначе, въ виду того, что эти два принципа составляютъ основу истинной религіи и истинной нравственности) съ разныхъ точекъ зрѣнія проповѣданы всѣми мудрецами міра; какъ древними: Кришной, Буддой, Лао-Тсе, Конфуціемъ, Сократомъ, Платономъ, Эпиктетомъ, Маркомъ-Авреліемъ и др., такъ и современными (назовемъ лишь немногихъ изъ нихъ): Руссо, Паскалемъ, Кантомъ, Эмерсономъ, Чаннингомъ и многими другими.

„Религіозная и нравственная истина вездѣ и всегда одна и та же, и я стараюсь усвоить ее всюду, гдѣ я ее нахожу, не отдавая предпочтенія христіанству. Если я былъ особенно заинтересованъ ученіемъ Христа, то это объясняется тѣмъ, что 1) я родился и жилъ среди христіанъ и 2) что я испытывалъ большое умственное наслажденіе, очищая, насколько я могъ, истинную доктрину отъ поразительныхъ фальсификацій, которымъ церкви подвергли это несчастное ученіе.

„Очень мнѣ жаль, что одна изъ моихъ книгъ, которой я самоувѣренно придаю большое значеніе, не была переведена по французски, и что я не могу послать ее вамъ иначе, какъ на русскомъ языкѣ. Изъ этой книги, озаглавленной: *Мысли мудрыхъ людей на каждый день* и состоящей изъ мыслей и изреченій о религіи и нравственности нѣсколькихъ сотъ древнихъ и современныхъ авторовъ, среди коихъ вы найдете лишь нѣсколько стиховъ изъ Евангелія,—изъ этой книги вы будете имѣть возможность судить, насколько я далекъ отъ того, чтобы приписывать исключительное значеніе Евангелію. Благодарю васъ за вашу картину и въ особенности за ваши добрыя чувства ко мнѣ, и дружески жму вашу руку.

Левъ Толстой“.

27 іюля—9 августа.
1909 г.

Ибо мы всѣ одно дѣло. Одинъ тайный грѣхъ, одно самое тайное злое дѣло, одно самое тайное злое слово прибавляетъ тяжести всѣмъ и ярмо на всѣхъ сынахъ Адама и на всемъ мірѣ дѣлается еще тяжелѣе. И одно самое тайное доброе дѣло, одно самое тайное чистое слово молитвы прибавляетъ радости всѣмъ и всѣмъ становится легче итти.

(Изъ книги невидимой).

Миръ вамъ, о, горы!
Молчаніе ночи—
Сила моя.
Молитва единая,
Имя Единое—
Скала моя.

(Пѣснь Будды. Изъ книги невидимой).

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженiе *).*

XIII беседа.

Арджуна сказалъ:

Матерiю и Духъ, а также Поле и Познающаго Поле, мудрость и то, что подлежитъ познанiю желалъ бы я узнать, о Кешава [1]).

1.

Благословенный молвилъ:

Это тѣло, о сынъ Кунти, именуется Полемъ; познающiй его называется мудрецами „Познавшимъ Поле".

2.

Познай Меня, какъ Познавшаго Поле во всѣхъ поляхъ, о Бхарата. Знанiе Поля и знанiе Познающаго Поле—Мною именуются мудростью.

3.

Кратко услышь теперь отъ Меня, каково это Поле, какова его природа, какъ оно измѣняется и откуда оно, и кто Онъ [2]) и какова Его сила,

4.

На разные лады воспѣвали это святые [3]), въ различныхъ гимнахъ и въ вѣщихъ словахъ Брахмы — сутры [4]), исполненной разума.

---

*) См. „Вѣстн. Теософiи" 1911 г., № 1.

[1]) Съ большими волосами.

[2]) Т. е. познающiй.

[3]) Риши.

[4]) Св. Писанiй, вдохновленныхъ самимъ Брахмой и потому исполненныхъ разума.

5.

Великіе элементы, индивидуальность, разумъ[1]), а также непроявленное, десять чувствъ[2]) и одно[3]), и пять пастбищъ чувствъ.

6.

Желаніе, отвращеніе, радость, страданіе, сцѣпленіе[4]), умъ, устойчивость, все это есть Поле и его измѣненія.

7.

Смиреніе, скромность, незлобивость[5]), терпѣніе, прямота, служеніе учителю, чистота, стойкость, самообладаніе,

8.

Равнодушіе къ предметамъ чувствъ[6]), а также отсутствіе эгоизма, проникновеніе въ страданіе и зло рожденія, смерти, старости и болѣзни,

9.

Отсутствіе привязанности[7]), отсутствіе отождествленія себя съ сыномъ, женой или домомъ, и постоянное душевное равновѣсіе среди желанныхъ и нежеланныхъ событій,

10.

Непоколебимая преданность, въ единеніи со Мною, безъ иной цѣли, тяга къ одиночеству[8]), отсутствіе наслажденія въ обществѣ людей,

11.

Постоянство въ мудрости Высшаго Я, пониманіе цѣли существенной мудрости—все это названо мудростью; все остальное—невѣдѣніе.

12.

Открою тебѣ все, что должно быть познано; что, познанное, ведетъ къ безсмертію, безначальное, высшее, Вѣчное, что не именуется ни Бытіемъ, ни Небытіемъ.

---

1) Сострадательный разумъ, т. е. будхи.

2) Семь развитыхъ и три, которымъ еще суждено развиться въ человѣчествѣ.

3) Объединяющее всѣ остальныя.

4) Тѣло.

5) Неспособность наносить боль.

6) Т. е. безстрастное къ нимъ отношеніе.

7) Т. е. привязанности къ плодамъ дѣятельности.

8) Т. е. къ углубленной внутренней жизни въ противоположность внѣшней жизни.

13.

Всюду имѣющее руки и ноги, глаза, головы и рты, всевѣдующее [1]) То пребываетъ въ мірѣ, обнимая все.

14.

Сверкая всѣми способностями чувствъ, не имѣя чувствъ, неопирающееся и поддерживая все; оставаясь свободнымъ отъ качествъ, пользуясь качествами,

15.

Внѣ и внутри всѣхъ существъ, неподвижное, а также въ движеніи, неуловимое по своей тонкости, и вдали, и вблизи пребываетъ То.

16.

Нераздѣльное среди существъ и все же обособленное въ каждомъ, То познается, какъ Опора всего сущаго; Оно поглащаетъ и производитъ.

17.

О Томъ, Свѣтѣ всѣхъ свѣтовъ, говорится, что Оно пребываетъ за предѣлами тьмы; Мудрость, цѣль мудрости, мудростью достигаемое, пребываетъ въ сердцахъ всѣхъ.

18.

Таковы Поле и Мудрость и предметъ Мудрости въ краткомъ изложеніи. Познавъ ихъ таковыми, преданный мнѣ ученикъ [2]) вступаетъ въ Мое существо.

19.

Познай, что и Духъ, и Матерія не имѣютъ начала; познай также, что измѣненія и качества рождены матеріей.

20.

Матерія именуется причиной происхожденія причинъ и слѣдствій; Духъ именуется причиной воспріятія радости и скорби.

21.

Пребывая въ матеріи, Духъ пользуется качествами, рожденными отъ матеріи; привязанность къ качествамъ есть причина его рожденій въ хорошихъ и дурныхъ лонахъ.

---

[1]) Буквально: слышащее все.

[2]) Мой послѣдователь, идущій за мною въ любви, Бакта.

22.

Все обозрѣвающій, разрѣшающій и испытывающій, Вседержитель, великій Господь, а также высочайшее Я: такъ именуется въ этомъ тѣлѣ высочайшій Духъ.

23.

Кто такимъ образомъ знаетъ Духъ и Матерію съ ея качествами, въ какихъ бы условіяхъ онъ ни былъ, онъ больше не родится вновь.

24.

Нѣкоторые въ медитаціи созерцаютъ Единое Я въ своемъ я, посредствомъ Высшаго я; другіе—посредствомъ Санкхія-Іоги [1]), иные—посредствомъ Кармы-Іоги [2]).

25.

Иные также не вѣдущіе, но слышавшіе объ этомъ отъ другихъ, покланяются; и эти также переступаютъ порогъ смерти, пріобщаясь къ тому, что слышали [3]).

26.

Какое бы существо ни родилось, неподвижное или подвижное, знай, о лучшій изъ Бхаратъ, что оно родилось отъ соединенія Поля съ Познавшимъ Поле.

27.

Тотъ, кто видитъ высочайшаго Господа, непогибающаго среди погибающихъ, равно пребывающаго среди всѣхъ существъ, тотъ воистину видитъ.

28.

Кто видитъ единаго Господа, одинаково пребывающаго всюду, тотъ не убиваетъ Высшее Я посредствомъ низшаго, и такимъ образомъ онъ вступаетъ на высшій Путь.

29.

Тотъ, кто видитъ, что матерія [4]) исполняетъ всѣ дѣйствія, а Духъ остается бездѣйствующимъ, тотъ воистину видитъ.

---

[1]) Іога, достигаемая путемъ познанія, по системѣ риши Санкхія.

[2]) Іога, достигаемая путемъ очищенныхъ дѣяній.

[3]) Т. е. въ силу своей вѣры.

[4]) Пракрити.

30.

Когда онъ постигаетъ, что ставшее многообразнымъ бытіе существъ коренится въ Единомъ и отъ Него исходитъ, тогда онъ достигаетъ Вѣчнаго [1]).

31.

Не имѣя начала и не имѣя качествъ, Высшее непогибающее Я, о Каунтея [2]), хотя и пребываетъ въ тѣлѣ, но не дѣйствуетъ и не подлежитъ воздѣйствію.

32.

Какъ вездѣсущій Эфиръ [3]) по своей тонкости не подлежитъ воздѣйствію, такъ и все тѣлесное не въ состояніи повліять на Высшее Я.

33.

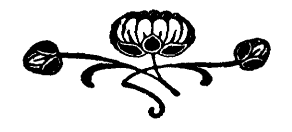
Подобно тому, какъ солнце освѣщаетъ всю землю, о Бхарата, такъ и Господь Поля озаряетъ все Поле.

34.

Кто очами мудрости видитъ разницу между Полемъ и Познающимъ Поле, и освобожденіе существъ отъ матеріи, тотъ идетъ къ Всевышнему.

Такъ гласитъ славной Бхагавадъ-Гиты XIII бесѣда, именуемая: „Іога распознаванія между Полемъ и Познающимъ Поле".

Пер. И. М. и Alba.

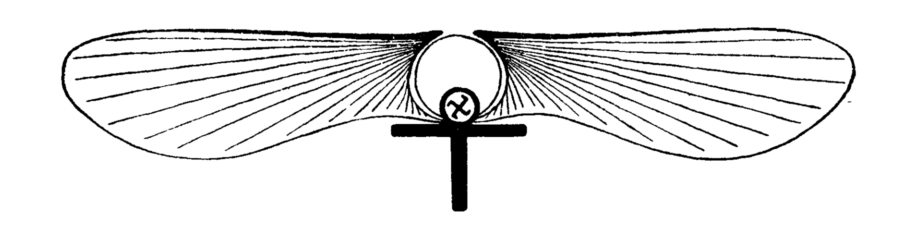

---

[1]) Брахмана.

[2]) Сынъ Кунти.

[3]) Акаша.

Пѣснь брата Солнца.

Да будетъ все цѣло: тѣло и душа и духъ. Да будетъ тѣло- тимпанъ, псалтирь же духъ, душа же гусли.... Да воспоетъ Бога тимпаннымъ ликомъ.

Іоанна Златоуста Слово.

„Пѣснь Солнца—цвѣтокъ, не искусственный, невѣдомо откуда явившійся, но полный жизни,—красоту и значеніе котораго можно почувствовать лишь оставляя его на растеніи, гдѣ онъ расцвѣлъ. Отчуждая его, не только обрòните капли росы, но и прервете таинственные токи, соединяющіе его съ корнями“ *).

По завѣту лучшаго знатока св. Франциска оставляю нѣжный цвѣтокъ на родномъ ему стеблѣ, предпосылая скромной попыткѣ моего перевода Cantici fratris Solis нѣсколько словъ легенды, которыя должны дать хотя бы нѣкоторое понятіе неосвѣдомленному читателю о свѣтломъ обликѣ „рыцаря дамы Нищеты“ и ознакомить его съ почвой, взростившей благоуханную хвалу.

Насколько удалось неповрежденнымъ пересадить цвѣтокъ на иную, чуждую ему почву русскаго языка,—судить не мнѣ: feci quod potui **).

Оригиналомъ послужила книга: „Speculum perfectionis, legenda antiquissima...“ edidit P. Sabatier, P. 1898.

Пристрастно и не всегда правильно относилась историко-литературная критика къ славословію святого поэта. Напрасно одни въ преувеличенномъ восторгѣ превозносили литературныя достоинства его до небесъ и смиреннаго „joculatorem Dei“ при-

*) Sabatier. „Spec. Perfect.“, 278.

**) Canticum fratris Solis написано неровными необработанными строфами, съ нѣкоторыми лишь проблесками размѣра; мнѣ казалось неумѣстнымъ придавать ему въ переводѣ правильный, строго-размѣрный стихъ—это удалило бы слишкомъ отъ безыскуственнаго подлинника.

равнивали къ лучшимъ поэтамъ классической древности, другіе же во всеоружіи аргументовъ указывали, что Пѣснь Солнца не выражаетъ ничего новаго, что она—немудреный перепѣвъ хвалы 3-хъ отроковъ въ кн. Даніила или псалма 148. Но созданіе св. Франциска, Пѣснь брата Солнца, родилось вольно, какъ рождается пѣсня птицы, благоуханіе цвѣтка и трепетъ радуги въ граняхъ алмаза—въ ликованьи о солнцѣ. И не его вина, если въ радости о Богѣ слился онъ въ унисонѣ общаго хора.

Блаженны внемлющіе неумолчному гимну многострунной арфы Міра! блаженны уловившіе „отблескъ вѣчной Красоты" не въ однихъ лишь величавыхъ образахъ вселенной,—былинка всякая, каждый малый крылатикъ свою пѣсенку знаютъ, свой голосъ имѣютъ въ этомъ всеобщемъ хорѣ.—„Въ смиреньи безконечномъ" вступайте въ него, „воспойте Господу новую пѣснь".

И повѣствуетъ намъ святое преданіе о томъ, **„какъ почиталъ всеблаженный Францискъ солнце и огонь превосходнѣе всѣхъ созданій"** и **„какъ особливо любилъ онъ воду и камни, и деревья, и цвѣты"** *).

Изъ всѣхъ созданій, разумомъ непросвѣщенныхъ, нѣжнѣе любилъ онъ солнце и огонь и говаривалъ: утромъ, когда встаетъ солнце, да восхвалитъ за него всякій человѣкъ Бога, создавшаго его ради потребы нашей; вечеромъ же, едва надвинется ночь, должно всякому воздавать хвалу за брата огня, въ ночную мглу наши очи озаряющаго; сами мы почти слѣпы, а Господь, черезъ этихъ двухъ братьевъ, просвѣщаетъ намъ очи; а потому за эти творенія, намъ повседневно служащія, должны мы особенно славить Творца. И самъ поступалъ такъ до дня кончины своей.

А когда занемогъ тяжко, то, бывало, пѣвалъ хвалу Господу, сложенную имъ отъ лица всѣхъ созданій, и товарищей своихъ побуждалъ пѣть, чтобы, духомъ погруженному въ славу Господню, забывать ему скорбь и горькія муки недуга.

И такъ какъ считалъ и высказывалъ, что солнце прекраснѣе всѣхъ созданій и ликомъ своимъ всѣхъ подобнѣе Господу нашему, о Немъ же и въ писаніи сказано: *Солнце правды,* то и нарекъ его именемъ свою хвалу Бога отъ лица созданій, Пѣснь брата Солнца, когда увѣрился, что водворитъ его Господь во царствіи Своемъ.

Послѣ огня любилъ онъ особенно воду и видѣлъ въ ней образъ святого покаянія и сокрушенія сердечнаго, скверны души

---

*) „Spec. Perfect." Capitula 118, 119.

омывающихъ, первое же омовеніе души—черезъ воду крещенія; и умывая себѣ руки смотрѣлъ, чтобы вода, падая, не проливалась къ ногамъ. А идя по камнямъ, ступалъ съ великимъ трепетомъ и благоговѣніемъ изъ любви къ Тому, о Комъ говорится въ псалмѣ*): „на камень вознесъ Ты меня"; говорилъ съ великимъ почтеніемъ и благочестіемъ: „подъ стопами моими вознесъ Ты камни".

И брату, рубившему дерево для огня, говорилъ, чтобы не все дерево разрубалъ, но всегда оставлялъ нѣкую часть невреженной во имя любви къ Тому, Кто спасеніе наше свершилъ на крестномъ древѣ.

Подобно тому и брату садовнику велѣлъ не всю землю отдавать подъ злаки, но отводить часть и подъ зеленѣющую траву, чтобы въ свое время производила она братьевъ цвѣтовъ—изъ любви къ Говорившему: *цвѣтъ полей и лилія долинъ...* **).

И мы, бывшіе съ нимъ, сколько разъ видали его, внѣшне и внутренно ликующимъ о всякомъ созданіи, смотрѣлъ ли, прикасался ли онъ къ нему; и тогда мнился намъ духъ его не на землѣ, но на небѣ. И за многія радости, полученныя имъ отъ созданій, незадолго до отшествія своего, сложилъ онъ отъ имени ихъ хвалу Господу, побуждая сердца слушателей къ восхваленію Бога, и да прославится Господь въ твореніяхъ Своихъ.

О Боже благостный, великій, всемогущій!
Хвала и честь, благословенье, слава
Тебѣ единому, Всевышній, подобаютъ,
И нѣтъ достойнаго Тебя постигнуть.
  Да хвалятъ Господа за всѣ Его творенья;
Хвала жъ особая за брата Солнце;
Онъ даритъ свѣтъ и день и озаряетъ насъ,
Прекрасный, лучезарный, въ дивномъ блескѣ,
Онъ ликъ Всевышняго въ себѣ отображаетъ.
  Хваленье Господу за звѣзды и луну—
Сестеръ сіяющихъ, прекрасныхъ, драгоцѣнныхъ.
  Хвала, о Господи, за брата Вѣтра,
За воздухъ ясный и туманъ, за всю погоду,
Что посылаешь Ты своимъ твореньямъ.
  Да будетъ Господу хвалой сестра вода,
Животворящая въ своемъ смиреньи чистомъ.
  Хваленье Господу всесильный братъ Огонь,
Ночь озаряющій въ могучемъ ликованьи.

---

*) Псал. LX, 3.
**) Пѣснь Пѣсней, II, 1.

Хвала Творцу—сестра и мать Земля,
Которая питаетъ насъ, лелѣетъ,
Даритъ плоды, траву и красочность цвѣтовъ.
Будь славенъ, Господи, за тѣхъ, что изъ любви къ Тебѣ
Прощаютъ всѣмъ, на скорбь и боль не ропщутъ:
Блаженны! путь свершивши безъ смятенья—
Тобой увѣнчаны они, Всевышній, будутъ.

„О томъ, какъ, узнавъ о близости кончины, велѣлъ онъ воспѣть сложенную имъ хвалу“ *).

И сказалъ ему одинъ изъ братіи: „Отецъ, жизнь и слова твои и были, и пребываютъ свѣтомъ и образцомъ не только для братіи твоей, но и для всей Церкви, и таковою же будетъ и кончина твоя; и принесетъ твоя смерть братіи и многимъ другимъ печаль и горе, тебѣ же утѣшеніе и радость безконечную, ибо прейдешь отъ великаго труда къ величайшему покою, отъ многихъ скорбей и искушеній къ вѣчному миру, отъ преходящей нищеты, ее же избралъ ты и послужилъ ей въ совершенствѣ—къ истиннымъ, безмѣрнымъ богатствамъ, и отъ самой временной смерти въ жизнь вѣчную, и узришь тамъ воочію Господа Бога твоего, которому въ жизни твоей послужилъ съ такою пламенной любовью и желаніемъ“.

И сказавши такъ, добавилъ поспѣшно: „Отецъ, воистину, знаешь ты, что не пошлетъ тебѣ Господь исцѣленія съ неба; неисцѣлимъ твой недугъ, и недолго осталось тебѣ жить, какъ сказали врачи. А говорилъ я такъ съ тобою, чтобы укрѣпить твой духъ въ постоянной радости о Господѣ внѣшне и внутренне, и чтобы братія твоя и всѣ, приходящіе посѣтить тебя, заставали тебя радующимся всегда о Господѣ и все, что увидятъ и услышатъ, послѣ смерти твоей, было бы имъ въ вѣчную память, какъ жизнь твоя и бесѣда“.

И тогда блаженный Францискъ, хоть и отягченный безмѣрно недугомъ, узнавъ изъ словъ этихъ о скоромъ приближеніи сестры-смерти, въ душѣ возликовалъ новою радостью и съ великимъ духовнымъ усердіемъ прославилъ Бога, говоря: „Если угодно Господу моему, чтобы отошелъ я вскорѣ, позовите ко мнѣ брата Анджело и брата Леоне—да воспоютъ мнѣ сестру-смерть“.

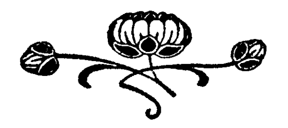
А когда пришли вмѣстѣ оба брата и, полные скорби и горя, съ великимъ плачемъ запѣли Пѣснь брата Солнца и всѣхъ тварей Господнихъ, которую недавно сложилъ самъ святой,—передъ

*) „Spec. Perfect.“ Capitulum 123.

послѣднимъ стихомъ вставилъ онъ нѣсколько стиховъ о сестрѣ-смерти:

За смерть тѣлесную-сестру—хвала!
Ея никто живущій не избѣгнетъ;
Но горе погруженнымъ въ смертный грѣхъ.
Блаженъ, кто опочилъ въ Твоей святѣйшей волѣ:
Не овладѣетъ имъ вторая смерть.
. . . .
Хвалите Господа, благословляйте, пойте,
Служите всѣ Ему въ смиреньи безконечномъ.

W.

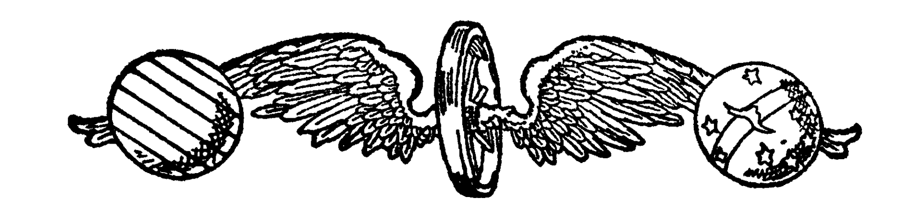

Миръ тебѣ, Магометъ, ты предсказалъ, что только на новой землѣ расцвѣтетъ зерно нашей жизни, только тамъ сочетаются тѣ, въ комъ горѣла любовь.

(Изъ книги невидимой).

Миръ вамъ, пташки мои,
Миръ вамъ, всѣ братцы мои,
Песчинки и травки мои,
Сочетаюсь со всѣми въ любви!
Сочетаюсь со всѣми въ любви!

(Изъ книги невидимой).

Обозрѣніе Теософической Литературы.

„Adyar Bulletin“ даетъ свѣдѣнія о движеніи Индіи и разборъ древней поэмы австралійскихъ острововъ „Гавайское преданіе о Сотвореніи міра“. Эта поэма переведена впервые на англійскій языкъ королевой Гавайской Лилиуокалани. Поэма дѣлитъ актъ творенія на 16 эръ или вѣковъ, которые описываются, какъ Дни и Ночи Бога. Во многихъ мѣстахъ картина эволюціи вполнѣ совпадаетъ съ ученіемъ Теософіи, какъ оно дано въ Тайной Доктринѣ, Е. Блаватской. Статья еще не закончена.

Teosofist Tidskrift, Шведскій органъ Теософическаго движенія, посвящаетъ главное мѣсто памяти двухъ выдающихся работниковъ Швеціи: К. Вахтмейстеръ и Елены Шюстэдтъ.

Е. Шюстэдтъ родилась въ 1865 г. Въ 1889 г. она вступила въ Теософическое Общество и сразу сдѣлалась дѣятельнымъ его работникомъ, въ 1890 г. она вышла замужъ; въ 1905 г. она овдовѣла и должна была искать себѣ заработокъ. 22 апрѣля 1910 г. она развоплотилась. Ея единственная дочь, Марія, въ настоящее время тоже членъ Теософическаго Общества. Е. Шюстэдтъ обладала выдающимся ораторскимъ и организаторскимъ талантомъ.

„Lotus Bleu“ (Revue Théosophique) даетъ статью А. Безантъ „Объ Учителяхъ“. Авторъ указываетъ на реальность существованія Учителей, на яркое проявленіе Ихъ индивидуальностей и на возможность Ихъ видѣть на землѣ. Для Учителя нѣтъ расъ и національностей; Они составляютъ Единое Бѣлое Братство Сверхъ-Человѣчества, но, являясь на землѣ, Они облекаются въ то или иное тѣло. Нѣкоторые изъ нихъ облечены въ настоящее время въ Индускія тѣла; нѣкоторые—въ иныя.

Нѣмецкій теософическій журналъ „Theosophie“ даетъ статью Патовскаго: „Значеніе теософа“ и статью Гревела „Эпикурейство, какъ міропониманіе“.

Въ своемъ очеркѣ, г. Патовскій говоритъ, что каждый искренно и серьезно настроенный теософъ дѣлается маленькимъ центромъ, черезъ который идетъ духовная волна на помощь всѣмъ.

Гревель говоритъ о мужскомъ и женскомъ аспектѣ всего проявленнаго и проводитъ мысль, что мужское начало стремится къ внѣшнему творчеству; женское—къ внутреннему. Эти двѣ тенденціи проходятъ и черезъ философію. Стоицизмъ есть философія, окрашенная мужскимъ началомъ; система Эпикура окрашена женскимъ. Эти два теченія ярко сказываются во всѣхъ сферахъ мысли и дѣятельности человѣка, но дуализмъ долженъ уступить мѣсто монизму. Стремленія противоположныхъ, мужского и женскаго начала, должны слиться воедино, чтобы дать мѣсто творчеству высшаго порядка. Вмѣстѣ съ нимъ явится и высшее міропониманіе, полное гармоніи и красоты. Мудрецъ не принадлежитъ ни къ какому полу: онъ ихъ оба совмѣщаетъ въ себѣ.

Въ предыдущемъ № того же журнала мы находимъ стихотвореніе Карменъ Сильва: „Великій Скрипачъ".

„Будь ты маленькой скрипкой,
„Чисто и прекрасно настроенной,
„Чтобы Богъ тебя нашелъ готовымъ,
„Когда Онъ возьметъ въ руки свой смычекъ.
„Ни бури, ни грѣхи,
„Не должны нарушать твоей мелодіи,
„Ибо ты—скрипка Божія,
„Никто, кромѣ Учителя, не долженъ касаться тебя.
„Когда Богъ дастъ свободу твоимъ звукамъ,
„Ты получишь посвященіе въ тайны высшей жизни;
„Смотри же съ благоговѣніемъ на свой инструментъ,
„Въ которомъ отъ вѣка горитъ вѣчный Огонь!
„Чтобы Богъ нашелъ тебя готовымъ,
„Когда Онъ возьметъ свой смычекъ,
„Будь ты чистой, маленькая скрипка,
„Будь всегда чудесно настроенной!"

„Theosophy in Australia" даетъ интересную статью г. Станвай-Таппъ объ Іоаннѣ Крестителѣ. Авторъ проводитъ параллель между жизнью пророка Иліи и Іоанна Крестителя и указываетъ на поразительное сходство психологіи и проявленій великихъ пророковъ Іудеи, что наводитъ на мысль, что одинъ духъ былъ воплощенъ въ обоихъ.

Органъ теософическаго центра на островѣ св. Маврикія, „Le chercheur" даетъ подробныя свѣдѣнія о двухъ интересныхъ конгрессахъ: Конгрессъ сведенборіанцевъ въ Лондонѣ и о конгрессѣ мира въ Стокгольмѣ.

Маленькій очеркъ Л. Г.: „Будемъ любить другъ друга" указываетъ, что доброе и прекрасное притягиваетъ свѣтлыя силы; дурное и некрасивое—притягиваетъ темныя. Чѣмъ больше мы будемъ культивировать красоту и любовь, тѣмъ больше любви и красоты будетъ вливаться въ нашу собственную жизнь.

Въ отдѣлѣ „Мысли и изреченія" приводятся мысли выдающихся мыслителей. Въ настоящемъ № подобраны главнымъ образомъ мысли Ч. Вагнера.

Въ англійской части журнала очеркъ: „Человѣкъ и его тѣла" и „Что такое Теософія".

„Annales Théosophiques" даетъ три статьи: „Монада и Дживатма", Ж. Шевріе; „Эзотеризмъ въ христіанскомъ ученіи", А. Нойркамъ; „Матеріализмъ передъ судомъ разума", Элмеса.

Въ своей статьѣ Ж. Шевріе проводитъ грань между тремя аспектами Мыслителя: Монадой, Дживатмой и Личностью человѣка. Каждый аспектъ соотвѣтствуетъ опредѣленному циклу монадической дѣятельности: манвантарѣ, планетной цѣпи и человѣческой жизни. Проявленіе Монады на протяженіи манвантарыноситъ названіе Дживатмы. Проявленіе Дживатмы на протяженіи планетной цѣпи есть Ego. Проявленіе Ego въ кадрѣ человѣческой жизни есть личность. Личность и индивидуальность человѣка пребываютъ во времени, но Божественное Вѣчное Начало, Монада, пребываетъ надъ временемъ и пространствомъ.

А. Ноаркамъ стремится объяснить, почему историческому христіанству нужно было временно утерять эзотеризмъ. Онъ указываетъ, что для развитія самодѣятельности человѣкъ долженъ былъ на время повѣрить, что въ его распоряженіи только одна данная жизнь; это должно было вызвать въ немъ желаніе спастись и съ усиленной энергіей отдаться работѣ совершенствованія. Эзотеризмъ хранился въ сектахъ и въ тайныхъ орденахъ. По мнѣнію автора, въ настоящее время Теософическое движеніе имѣетъ миссію вернуть Западу утерянный эзотеризмъ, такъ какъ личность человѣка достаточно развилась и углубилась и миссія церковнаго христіанства закончилась.

Статья Элмеса „Матеріализмъ передъ судомъ разума" исходитъ изъ анализа біологическаго закона: сперва функція, потомъ органъ. Авторъ дополняетъ этотъ законъ формулой: сперва жизнь-сознаніе, потомъ организмъ. Авторъ отмѣчаетъ заслуги матеріализма передъ наукой, но указываетъ, что замыканіе матеріализма въ своемъ отрицаніи задерживаетъ дальнѣйшій прогрессъ науки. Только до тѣхъ поръ ученіе полезно и двигаетъ впередъ науку,

пока оно ищетъ и строитъ; когда же оно вмѣсто положительной работы сосредоточивается на одномъ отрицаніи всѣхъ иныхъ путей, то оно впадаетъ въ мертвый догматизмъ и теряетъ свою цѣнность.

Theosophist (ноябрь и декабрь) даетъ двѣ интересныя біографіи: Дамодара, преданнаго ученика Е. П. Блаватской, и знаменитаго Индусскаго ученаго Субба Рао, дѣятельнаго члена Теософическаго Общества, скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Субба Рао оставилъ много интересныхъ статей и очерковъ, изъ которыхъ особенно извѣстны его замѣтки о Бхагавадъ-Гитѣ и статьи, собранныя въ сборникѣ подъ названіемъ „Эзотерическія ученія".

Къ біографіямъ приложены портреты дѣятелей.

Продолжаются статьи „Братство религій", которыя съ января печатаются въ „Вѣстникѣ Теософіи", и „Голубыя Горы", Е. Блаватской.

Э. Лаудеръ указываетъ въ статьѣ „Драма будущаго" признаки серьезнаго перелома въ драматическомъ искусствѣ. Содержаніе новыхъ драмъ дѣлается все болѣе психологическимъ и затрагиваетъ глубочайшія проблемы духа.

О. Шрэдеръ заканчиваетъ свою статью „Религія Гете". Тонкимъ и глубокимъ анализомъ произведеній великаго нѣмецкаго поэта, авторъ доказываетъ, что Гете стоялъ по своему міропониманію въ ближайшемъ духовномъ родствѣ съ религіозной философіей Востока и что его основныя положенія вполнѣ совпадаютъ съ ученіемъ Бхагавадъ-Гиты: отреченіе, гармонія, любовь.

Въ отдѣлѣ „Сравнительное изученіе философій, религій и наукъ" мы находимъ двѣ интересныя статьи: статью о Ямвлихѣ и очеркъ, посвященный древне-Египетскимъ преданіямъ.

Въ „Посланіи въ Порфирію" Ямвлихъ говоритъ о древне-Египетскихъ мистеріяхъ и указываетъ на ихъ значеніе. Въ этихъ Мистеріяхъ ученикамъ давалась глубочайшая религіозная философія, ученіе о Единомъ и объ Эволюціи человѣческой души. Египетское ученіе о Богѣ Ямвлихъ передаетъ такъ:

„Есть Единый, непроявленный, прежде всѣхъ вѣкъ, пребывающій въ одиночествѣ Своего собственнаго Единства... Отъ этого Единаго рождается Высочайшій Богъ (первый Логосъ), который есть само-рожденный, Отецъ, и Благо, и Источникъ всѣхъ вещей, и Корень всѣхъ постигаемыхъ формъ.

„Отъ Него рождается идеальная вселенная, Міровая Душа"...

Въ человѣкѣ есть низшее, земное, и высшее, божественное. Человѣкъ можетъ освободиться отъ праха земли, и стать богомъ,

сливаясь съ источникомъ, изъ котораго онъ изошелъ. Мистеріи подготовляли душу къ этому таинству освобожденія и воскресенія. Освобожденіе совершается черезъ очищеніе отъ страстей.

Ж. Спенслэй даетъ египетскій миѳъ „Ре и Изида“, переведенный съ древняго папируса, находящагося въ Туринскомъ музеѣ.

Солнечный богъ Ре воплотился въ Египетскомъ царѣ. Изида (Софія гностиковъ) воплотилась въ женскомъ тѣлѣ. Она обладаетъ почти безграничнымъ вѣдѣніемъ, но ей не хватаетъ нѣсколькихъ божественныхъ аттрибутовъ для своего могущества. Чтобы ихъ обрѣсти, она должна получить власть надъ Ре; власть же она можетъ получить только, узнавъ его *настоящее имя*. Она разставляетъ сѣти, чтобы уловить Ре. Когда Ре весело проходитъ со своими придворными по дорогѣ, на него кидается змѣя и жалитъ его въ ногу. Никто не можетъ ему помочь. Тогда является Изида и предлагаетъ исцѣлить его, но требуетъ, чтобы онъ произнесъ свое *сокровенное, настоящее имя*. Послѣ мучительной борьбы Ре соглашается, Изида его исцѣляетъ и становится всемогущей.

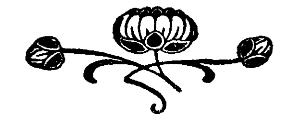
Въ этомъ миѳѣ слѣды глубокаго эзотеризма. Ясно выступаетъ знаніе, что тѣло есть лишь матеріальное выраженіе имени и что звукъ есть творческая основа всѣхъ формъ.

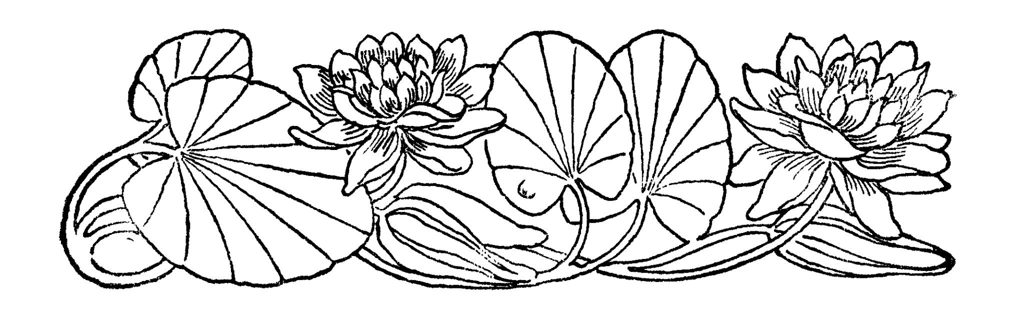
Въ Отдѣлѣ Искусства приложенъ снимокъ съ древне-индусской картины школы Ражпутъ „Бацъ Багадуръ и Рупмати“. На картинѣ изображены знаменитые герои, воспѣтые Индусскими поэтами. Они выѣзжаютъ ночью верхомъ, такъ какъ днемъ они не могутъ видѣться. Любовь ихъ была такъ велика, что когда Рупмати попала въ руки врага, она отравилась, чтобы остаться вѣрной своему возлюбленному. Картина вся окутана нѣжными тонами южной ночи.

Въ журналѣ разбросаны изреченія Индусскихъ святыхъ. Приводимъ одно изъ нихъ:

„Богъ пребываетъ въ сердцѣ подобно свѣту и не хочетъ отъ него отдѣляться. Но хотя Онъ и пребываетъ нераздѣльно въ твоей душѣ, твоя душа не постигаетъ его“.

Alba.

Хроника Теософическаго движенія.

═ Президентъ Теософическаго Общества закончилъ свое турнэ по Индіи и вернулся въ Адіаръ. А. Безантъ объѣхала Сагаранпуръ, Дуллудхаръ, Лагоръ, Дели, Агра, Коунпуръ, Бенаресъ и прочла рядъ публичныхъ лекцій. Въ Бенаресѣ ее встрѣтила пріѣхавшая изъ Голландіи, извѣстная теософка, г-жа Виндэстъ. Вмѣстѣ съ Президентомъ она вернулась въ Адіаръ, гдѣ пробудетъ нѣсколько недѣль. Затѣмъ она собирается побывать на о. Явѣ, чтобы помочь теософическому движенію въ Голландскихъ колоніяхъ.

═ Изъ Англіи пріѣхали въ Адіаръ извѣстные дѣятели г-нъ и г-жа Рансомъ со своей двухлѣтней дѣвочкой; изъ Африки— г. Кордъ; изъ Америки—г. Ирвингъ-Куперъ.

═ Въ Парижѣ, въ помѣщеніи Теософическаго Общества, правильно организованы на весь сезонъ публичныя лекціи три раза въ недѣлю.

═ Въ Ниццѣ открылся новый теософическій кружокъ, Vidya (вѣдѣніе).

═ На югѣ Франціи идетъ дѣятельная работа объединенія приморскихъ теософическихъ центровъ.

═ Представитель Теософическаго движенія въ Италіи, проф. О. Пензигъ предлагаетъ всѣмъ національнымъ Теософическимъ Обществамъ обмѣниваться своими изданіями, придавая такимъ образомъ интернаціональный характеръ библіотекамъ главныхъ теософическихъ центровъ.

═ Въ Испаніи работа теософическая сказывается главнымъ образомъ на литературномъ поприщѣ. Почти всѣ существующія

по Теософіи книги переведены на испанскій языкъ. Движеніе въ Испаніи крѣпнетъ и можетъ быть въ скоромъ времени организуется Испанское національное Общество.

═ Готовятся также къ организаціи національныхъ обществъ въ Бельгіи, Болгаріи и въ Южной Америкѣ.

═ 4 января, на открытомъ собраніи Калужскаго Отдѣла, Р. Т. О-ва А. Каменская сдѣлала сообщеніе „Задачи духовной культуры“.

═ 19 января, въ помѣщеніи Женскаго В. Б. Общества (Спасская, 18), состоялось очередное открытое собраніе Р. Т. О-ва. К. Д. Кудрявцевъ сдѣлалъ сообщеніе: „Спиритизмъ: теорія и практика“.

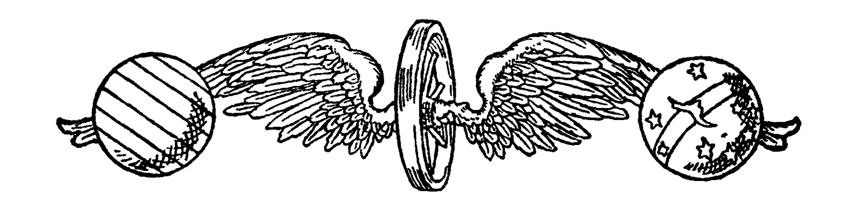

Братья, будемъ радоваться всему, потому что все живо. Мы живые, но могущественное солнце, которое болѣе насъ, ужели не живо оно? И дни, и минуты, и всякое мѣсто—все живо.

(Изъ книги невидимой).

Миръ вамъ, всѣ прекрасные, тихіе, чистые,
Я достигаю васъ чрезъ стѣны темницы,
Вы съ Богомъ и въ Богѣ живые ключи.
Отнынѣ даю обѣщанье великое—
Всегда всѣхъ съ собой повсемѣстно нести.

(Изъ книги невидимой).

Хроника жизни.

— Годъ тому назадъ былъ наложенъ арестъ на книгу Л. Н. Толстого „Соединеніе четырехъ евангелій“, изданную извѣстнымъ толстовскимъ книгоиздательствомъ „Посредникъ“. Почти 5.000 экземпляровъ книги успѣли разойтись, быстро раскупленные публикой. Въ издательствѣ конфисковано было всего только 400 экземпляровъ. Теперь московская судебная палата постановила предать арестованную книгу великаго писателя уничтоженію.

— Т. А. Кузьминская, сестра графини С. А. Толстой разсказываетъ въ „Нов. Врем.“ о своемъ пребываніи въ Ясной Полянѣ. Послѣдними словами Льва Николаевича, — говоритъ она, — были: „Сережа, люблю истинно, много... много... люблю всѣхъ“... А раньше въ дремотѣ онъ говорилъ: „Какъ хорошо и какъ просто“.

— Развитіе въ Кіевѣ вегетаріанства. За послѣдніе годы въ Кіевѣ замѣтно развивается вегетаріанство. Недалеко еще то время, когда здѣсь была одна только вегетаріанская столовая на Владимірской улицѣ, но и та, просуществовавъ около года, должна была закрыться за неимѣніемъ охотниковъ поддержать ее. Въ настоящее время въ Кіевѣ существуетъ около двадцати вегетаріанскихъ столовыхъ, всѣ онѣ работаютъ хорошо, и возникаютъ проекты открытія все новыхъ и новыхъ такихъ же учрежденій. Объяснить такой успѣхъ идеи вегетаріанства среди кіевскихъ жителей одной только модой довольно мудрено: очевидно для этого имѣются болѣе серьезныя причины. Весьма можетъ статься, что успѣху вегетаріанства способствуетъ все болѣе и болѣе возрастающая дороговизна мясныхъ продуктовъ, а также и продуктовъ птицеводства. Людямъ средняго достатка, вынужденнымъ довольствоваться опредѣленнымъ невысокимъ содержаніемъ, трудно уже придерживаться мяснаго режима, какъ это было еще не такъ давно, и приходится изыскивать иныя, болѣе дешевыя средства питанія. Вегетаріан-

скій столъ въ этомъ отнощеніи оказываетъ большую услугу, такъ какъ онъ обходится дешевле, а по питательности и свѣжести провизіи нисколько не уступаетъ столу мясному. Помимо того, совершенно безспорно, что для людей старыхъ, вегетаріанскій столъ болѣе полезенъ, нежели столъ мясной. Повидимому, всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, и способствуютъ тому, что вегетаріанство у насъ начало замѣтно развиваться.

— Самоотверженность русской женщины. 30 сентября при тушеніи пожара желѣзнодорожнаго віадука на житомірскомъ шоссе былъ сильно обваренъ кипяткомъ изъ паровоза вольный дружинникъ, рабочій желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, Законовъ, 27 лѣтъ. Кипяткомъ у него были обварены нижняя часть туловища и обѣ ноги. Съ обожженныхъ частей тѣла вскорѣ начали отваливаться куски мяса, при чемъ обнажались кости. Спасти пострадавшаго можно было только замѣной отвалившихся кусковъ мяса кусками мяса соотвѣтствующихъ размѣровъ, взятыми у живого человѣка. И вотъ жена Законова, 23 лѣтъ, узнавъ это, предложила для этой операціи свое тѣло. По словамъ „Кіевл.", она начала посѣщать желѣзнодорожную больницу, гдѣ врачи вырѣзывали у нея изъ различныхъ частей тѣла куски мяса и пришивали ихъ ея мужу. Въ настоящее время у Варвары Законовой вырѣзано 22 куска мяса. Мужъ ея постепенно поправляется.

Передъ нами дѣятельная, самоотверженная любовь, болѣе сильная, чѣмъ смерть. И какая удивительная красота въ этомъ незамѣтномъ подвигѣ безвѣстной любящей женщины, спасающей своимъ тѣломъ, своей кровью любимаго человѣка! („Россія" 4 декабря 1910г ., № 154).

— Смерть миссисъ Эдди, основательницы „христіанской науки". Англійскія и французскія газеты сообщаютъ, что въ своемъ имѣніи около Бостона скончалась на 90-мъ году жизни знаменитая миссисъ Эдди, основательница и глава своеобразнаго ученія Christian Science (христіанской науки). Едва ли кто изъ женщинъ имѣлъ такое могущественное вліяніе на массы, какъ покойная. Въ 1879 г. она построила первую церковь для послѣдователей своего ученія, а въ настоящее время такихъ церквей насчитывается уже 700. Родившись въ бѣдной фермерской семьѣ, миссисъ Эдди съ самаго ранняго дѣтства обнаруживала замѣтную склонность съ созерцанію и мистицизму. Болѣе полувѣка прожила она въ безвѣстности и постоянной борьбѣ за существованіе, но бѣдность не помѣшала ей стать рѣдко образованной женщиной, основательно изучившей логику и философію. Прославилась она впервые въ 1875 году своею книгой „Наука и Здоровье", и тогда же стала пріобрѣтать послѣдователей, которыхъ организовала въ особую церковь. Прошло 35 лѣтъ, и проповѣдь христіанской науки создала въ

Америкѣ весьма многочисленную, богатую и могущественную секту. Ученіе миссисъ Эдди покоится на утвержденіи, что въ человѣческой жизни единственнымъ руководящимъ началомъ является духъ. Только духъ всемогущъ, а тѣло—его послушный рабъ—само по себѣ не имѣетъ никакого рѣшительнаго значенія. Отсюда логическій выводъ, что вѣра въ состояніи спасать и излечивать тѣло. Сама миссисъ Эдди не обращалась во время болѣзни къ помощи медицины, и это ей не помѣшало благополучно пережить трехъ мужей. Но, какъ замѣчаетъ „Temps“, ея ученіе стоило жизни многимъ послушнымъ послѣдовательницамъ, которыхъ вообще больше, чѣмъ послѣдователей. Тѣмъ не менѣе секта насчитываетъ въ своей средѣ свыше милліона человѣкъ въ однихъ только Соединенныхъ Штатахъ. Къ концу жизни миссисъ Эдди составила себѣ очень большое состояніе и жила въ довольствѣ и роскоши. Разумѣется, у покойной при ея широкой общественной дѣятельности было не мало враговъ; не мало поводовъ давала ея секта для всевозможныхъ насмѣшекъ и шутокъ. Особенно вышучивалъ „Христіанскую науку“ миссисъ Эдди Маркъ Твэнъ.

═ Между петербургскими трезвенниками, во главѣ которыхъ стоитъ братецъ Иванъ, въ послѣднее время возникло стремленіе отдѣлиться отъ православной синодальной церкви и образовать самостоятельную религіозную общину. До сего времени трезвенники считали себя членами православной господствующей церкви, и потому, обращая на путь истинный заблудшихъ, страдающихъ запоями, братецъ Ивашка ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы давшій обѣтъ воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ прежде всего исповѣдывался и пріобщился Св. таинъ у православнаго священника; но нерѣдко бывали случаи отказа въ дни мясоѣда принимать на исповѣдь желающихъ отрезвиться... Такое отношеніе духовенства къ трезвенникамъ заставило ихъ подумать о пріобрѣтеніи такого священника, который бы удовлетворялъ принятому у нихъ обычаю. Есть слухи, что они намѣрены просить еп. Михаила рукоположить имъ священника, который принялъ бы къ исполненію всѣ ихъ пожеланія, касающіяся устройства ими религіозной общины по схемѣ, ими предлагаемой.

═ Въ началѣ сентября 1910 года студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній были путемъ афишъ извѣщены о предстоящей лекціи члена всемірнаго конгресса гинекологовъ, проф. университета въ Эдинбургѣ и Глазго, Дж. Симпсона на тему „Наука и религія“. Кратко формулировалъ свои мысли еще молодой ораторъ,—кратко, какъ англичанинъ, и точно, какъ естественникъ: Что такое наука?—Знаніе, испытанное и приведенное въ порядокъ. Наука строится изъ фактовъ,

устанавливаемыхъ при изученіи природы путемъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, которыя очень и очень ограничены. Нашъ органъ зрѣнія запечатлѣваетъ явленія, вызванныя извѣстнымъ количествомъ колебаній эфира. Болѣе же сильныя колебанія недоступны нашему глазу... Мы видимъ солнце не такимъ, каково оно теперь, какимъ оно было 8 минутъ тому назадъ. Астрономы доказываютъ, что къ намъ лишь теперь доходитъ свѣтъ нѣкоторыхъ звѣздъ, потухшихъ еще до Рождества Христова. Органами чувствъ познается лишь ограниченное количество явленій... Результаты наблюденія надъ природой мы называемъ законами природы. Но законъ природы объясняетъ лишь взаимоотношеніе явленій, а не самыя явленія, не объясняетъ ихъ основного смысла. Разумъ ограниченъ, и его дополняетъ вѣра... Нѣтъ поступка безъ большаго или меньшаго участія органа вѣры... всѣ вѣрятъ, разница лишь—„во что". Наши научныя знанія—своего рода научная вѣра. Еще 10 лѣтъ тому назадъ физики говорили, что всякій предметъ состоитъ изъ атомовъ. Теперь же говорятъ, что атомы не конечная минимальная величина, а что они въ свою очередь состоятъ изъ милліоновъ электроновъ, т. е. единицъ отрицательнаго электричества, сочетаемаго съ эфиромъ. Такимъ образомъ, современная наука отрицаетъ существованіе матеріи. Послѣдняя есть лишь выраженіе „энергіи" въ матеріальныхъ формахъ. И догматъ сохраненія энергіи подвергается теперь сомнѣнію со стороны научныхъ авторитетовъ... Было время, когда воображали, что въ лабораторіяхъ можно воспроизвести жизнь, считая живое существо механизмомъ, хотя и сложнымъ. Но—вотъ главныя отличія живого существа отъ механизма: 1) способность продолженія рода, 2) приспособляемость къ разнообразнымъ цѣлямъ и 3) обмѣнъ веществъ, воспроизведеніе утраченныхъ частицъ. Физикой и химіей мы не объясняемъ жизни, а устанавливаемъ отдѣльныя проявленія ея... Дарвинизмъ пытается установить процессъ эволюціи, но опять таки „не объясняетъ причины ея". Эволюція человѣка пережила сотни стадій, и все это произошло само собою!—Но—тогда „чудесъ невѣрія больше, и они невѣроятнѣе чудесъ вѣры!.." Все наше знаніе—вѣроятность и предположеніе... Вѣра одухотворяла множество великихъ и сильныхъ людей, хотя иные ея и не „чувствовали". Чувства могутъ притупляться, а религія имѣетъ свои корни и въ волѣ, и въ разумѣ, и въ чувствахъ... Чтобы стать вѣрующимъ, надо начать не съ „credo", не съ догмата, а съ живой жизни... Вѣра есть подвигъ, и его нужно испытать... Невѣріе многихъ основано на невѣріи другихъ, а не на личномъ изученіи вопроса. Я не вижу противорѣчія между наукой и религіей; истина одна. И самое высокое, на что способенъ человѣкъ, это его способность „вѣрить!.".

— Въ Парижѣ существуетъ Всеобъединяющій Эклектическій Союзъ, имѣющій своей задачей согласованіе всѣхъ разногласій въ единствѣ нераздѣльной истины посредствомъ товарищескаго объединенія ученій и школъ для общаго примиренія прогресса черезъ знаніе и любовь. Это идейное движеніе, основанное на совершенно свободномъ чисто умственномъ и нравственномъ соглашеніи для распространенія идеи братства всего человѣчества, борьбы противъ физической, умственной и нравственной слабости и изученія и развитія скрытыхъ силъ человѣка (Boulevard de Port-Royal, 86: Union Ecclectique Universelle).

Н. Т.

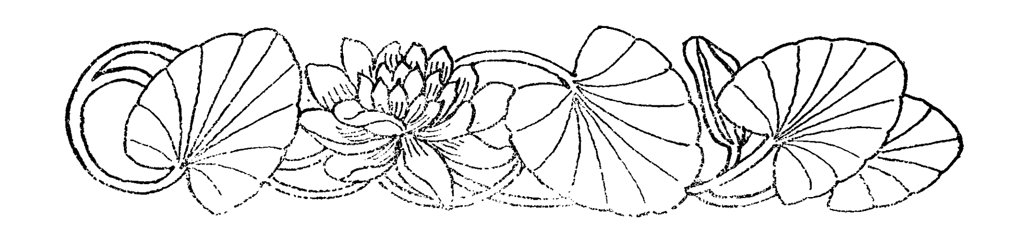

Смертные подражаютъ безсмертному, стремится быть вѣчнымъ и смертное. Эти тысячи переселеній, эти тьмы перерожденій—начало безсмертія.

Ты забылъ всѣ тѣ страны, гдѣ ты обиталъ, потому что путь безъ конца, потому, что все это—дѣтство передъ быстротой твоей.

Кто забылъ, онъ можетъ и вспомнить. На концѣ твоей лѣстницы я построю широкую площадь съ перилами. Такъ мнѣ шепнула дѣвушка, сестра моя—Жизнь. Оттуда оглянешься и увидишь все прошлое, даже до бездны.

(Изъ книги невидимой).

Изъ газетъ и журналовъ.

═ „Памяти Л. Н. Толстого“ статья М. Меньшикова.

Въ своей статьѣ Меньшиковъ говоритъ о Львѣ Николаевичѣ главнымъ образомъ, какъ о праведникѣ, какъ о „живомъ пророкѣ“, религiозная философiя котораго хотя и не всегда ясна, но „Есть рѣчи—значенье—темно иль ничтожно, но имъ безъ волненья внимать невозможно“... Когда бы вы ни приходили къ Толстому—и въ какой бы острый споръ ни вступали съ нимъ, вы безотчетно чувствовали, что передъ вами стоитъ большая, напряженная, страстная, фанатическая душа, ищущая Бога и ему „вѣрная“. Всегда чувствовалось, что это человѣкъ неравнодушный, что онъ крайне заинтересованъ не въ мелкомъ, а въ величайшемъ, что онъ взволнованъ до изнеможенiя въ присутствiи неразгаданнаго Божества, которымъ мы наполнены и окружены. Вотъ человѣкъ, который поистинѣ не забывалъ Бога, и каждый моментъ стоялъ какъ бы съ непокрытой головой, прислушивающiйся и всѣмъ говорящiй: тише!... На нашей памяти сильный духъ Толстого дрожалъ и колебался, дѣлалъ огромные размахи вправо и влѣво, но какъ чувствительная магнитная стрѣлка онъ въ самыхъ размахахъ стремился неизмѣнно къ какой-то мистической вѣчной точкѣ, мѣста которой не зналъ, но въ которой чувствовалъ всю жизнь и радость и для всего разгадку“. Затѣмъ Меньшиковъ сравниваетъ Льва Николаевича съ отцомъ Iоанномъ Кронштадтскимъ, съ его „врагомъ“—и говоритъ: „Въ лицѣ о. Iоанна Кронштадтскаго мы видимъ чуть ли не послѣдняго святого древней церкви. Вмѣстѣ съ этимъ пастыремъ умираетъ, кажется, и вѣрующiй постарому народъ. Въ лицѣ Льва Толстого мы видѣли перваго святого какой-то новой, еще не существующей, еще непроповѣданной церкви, которая подобно новому, еще не существующему государству, можетъ быть, когда-нибудь придетъ. Вотъ чѣмъ необыкновенно былъ интересенъ Толстой: онъ былъ „новый человѣкъ“,

человѣкъ воскресенія, и жизни будущаго вѣка",.. Одинокій, онъ имѣлъ титаническое мужество начать строить свою какую-то государственность, свою какую-то церковь... Онъ принадлежалъ къ породѣ праведниковъ, людей, перерождающихъ себя, преображающихъ свою природу... Святые передѣлываютъ себя, они разными способами дѣйствительно перестраиваютъ духъ свой и даже тѣло. Они въ самомъ дѣлѣ совлекаютъ ветхаго Адама и облекаются въ идеалъ свой,—въ Христа, въ Будду, въ Зороастра—смотря по религіи.

...Но такое пересозданіе даромъ не проходитъ. Какъ звѣрь, доразвившійся—если это возможно—до человѣка, уже не можетъ оставаться въ звѣриномъ обществѣ, такъ святой, достигшій совершенства,—въ человѣческомъ обществѣ. Онъ тѣмъ самымъ выходитъ изъ родного строя, онъ психологически долженъ отрицать его. Зачѣмъ святому церковь—не идеальная, а живая, состоящая изъ грѣшныхъ и плохо вѣрующихъ людей? Зачѣмъ святому государство? Зачѣмъ ему война, собственность, бракъ, искусство, науки и пр., и пр.?"

Въ концѣ своей статьи Меньшиковъ говоритъ, что не все написанное Львомъ Толстымъ останется—можетъ быть, останется совсѣмъ немногое, но самъ онъ перейдетъ въ легенду.., подобно благороднѣйшимъ вѣроучителямъ онъ наводилъ созвучныя ему души на путь счастья, онъ завлекалъ красотою сердца, заражалъ благороднымъ настроеніемъ, поднималъ до праведности. Въ очень многихъ нравственно-философскихъ статьяхъ и разсказахъ Толстого эта чудесная сила его духа осталась навсегда, сила высокоблаготворная, почти чудотворная"...

= В. Г. Короленко о смерти Толстого: „Умеръ Толстой... умеръ человѣкъ, приковавшій чувства всего міра. Если былъ писатель, о которомъ можно сказать, что его знали всѣ,—это былъ Толстой, Толстой—титанъ совершеннаго человѣчества. Легендарные титаны громоздили горы на горы. Толстой наяву двигалъ такими горами человѣческаго чувства, какія не подъ силу царямъ и завоевателямъ... Наша страна бѣдна и безправна, но она дала міру Толстого, смерть котораго говоритъ такъ внятно о вѣчной неумирающей жизни".

= Въ статьѣ Н. Моряна („Мое знакомство съ Толстымъ", въ газетѣ „Рѣчь") приводится письмо Л. Н. Толстого въ отвѣтъ на письмо, написанное Н. Моряномъ Толстому еще ученикомъ 4-го или 5-го класса: „Получилъ ваше письмо и ни минуты не усумнился въ вашей искренности и серьезности. Чистые молодые люди вашего возраста очень часто гораздо яснѣе понимаютъ основные религіозные вопросы, чѣмъ люди пожилые, въ особенности люди въ полномъ расцвѣтѣ физической силы и дѣятельности... Въ томъ, что Вы искренни и серьезно относитесь къ религіознымъ вопросамъ, убѣдили меня ваши вопросы—всѣ

самые существенные: 1) признавать ли все Евангеліе священнымъ, боговдохновеннымъ? Разумѣется, нѣтъ. Въ этомъ зловреднѣйшій обманъ, лишающій евангеліе всего его значенія. 2) Конфирмоваться ли, не вѣря въ догматы, признаваемые лютеранскою церковью?—Разумѣется, нѣтъ. Если дурно лгать передъ людьми, и ложь всегда отзовется дурными послѣдствіями, то насколько хуже лгать передъ Богомъ (ложь эта такъ часто совершается, что она незамѣтна людямъ и что такихъ лгуновъ очень много) и насколько ужаснѣе послѣдствія такой лжи. 3) Вопросъ о цѣломудріи—тоже вопросъ, показывающій вашу искренность. Въ вашемъ возрастѣ это самый существенный вопросъ. Не вѣрьте ни товарищамъ, ни докторамъ, и знайте, что удержать цѣломудріе до полной возмужалости, когда возникаетъ вопросъ о бракѣ, легко и тѣмъ легче, чѣмъ больше убѣжденъ человѣкъ въ томъ, что это легко, что тутъ нѣтъ никакого подвига, и что это есть только несовершеніе преступленія, которое не перестаетъ быть преступленіемъ отъ того, что его всѣ дѣлаютъ"...

Позже Н. Морянъ (приблизительно въ 1902 г.) почувствовалъ, что не можетъ дальше жить, не повидавши Льва Николаевича. „Вопросъ стоялъ о всей моей жизни",—говоритъ онъ, „о томъ, годенъ ли я для чего-нибудь, какъ и для чего жить, какъ быть съ приближающейся воинской повинностью и мн. др."—и онъ поѣхалъ... Толстой его принялъ, хотя былъ боленъ и лежалъ. Вотъ смыслъ того, что Левъ Николаевичъ сказалъ ему: вамъ должно быть тяжело, я вижу, но я ничего совѣтовать дѣлать не могу. Я не могу вамъ совѣтовать отказываться отъ военной службы. Это дѣло каждаго человѣка, отдѣльно и для себя рѣшать этотъ вопросъ. Я вамъ скажу откажитесь, а вы потомъ не выдержите испытаній и будете проклинать меня и себя. Надо довести себя до такой точки, когда ужъ не будетъ вопроса: служить или нѣтъ. Пока же есть вопросъ,—надо служить. Я знаю, что я не могу зарѣзать курицы и ни у кого не буду и не могу спрашивать про это. Такъ и вы. Читайте евангеліе, тамъ вы все найдете... Вы много читаете, а читали ли вы І. Мадзини: „Объ обязанностяхъ человѣка?" Ну я вамъ дамъ, вамъ передадутъ эту книжку. Читайте ее нѣсколько разъ, это прекрасная книжка".

— С. Н. Булгаковъ: Апокалиптика, соціологія, философія исторіи, соціализмъ (Религіозно-философскія параллели). „Русск. Мысль", 7, 1910 г. Авторъ, весьма близкій по своему міровоззрѣнію къ часто цитируемому имъ Владиміру Соловьеву, разсматриваетъ священную книгу съ исключительно религіозной точки зрѣнія. Каковы бы ни были измѣнчивые и постоянно колеблющіеся результаты историческаго изученія Апокалипсиса—не оно (утверждаетъ авторъ), но общія рели-

гіозныя предпосылки положительнаго или отрицательнаго характера устанавливаютъ окончательную оцѣнку и отношеніе къ данному произведенію...

Подъ тѣмъ, что записано, подъ даннымъ феноменомъ слова можетъ скрываться содержаніе непреходящаго, нуменальнаго значенія, не человѣческое, но благодатное, божественное вдохновеніе. Общій вопросъ о возможности или невозможности такой боговдохновенности и религіознаго откровенія—не разрѣшается въ узкихъ предѣлахъ кропотливыхъ религіозно-историческихъ изслѣдованій. Символы этой пророческой книги остаются загадкой для ума и религіознаго сознанія, и всякая попытка ихъ дешифрированія, детальнаго истолкованія, неизбѣжно сопровождается произвольностью и субъективизмомъ...

Метафизическая картина исторіи не совпадаетъ съ ея эмпирической картиной. То, что символизируется въ Апокалипсисѣ, совершается въ мірѣ душъ, духовъ и духовныхъ силъ, и эти духовныя событія могутъ, конечно, обнаруживаться въ событіяхъ и эмпирической исторіи... но внутреннее, духовное, нуменальное ихъ значеніе можетъ совершенно не соотвѣтствовать ихъ эмпирическо-историческому выраженію. Основная идея Апокалипсиса, по мнѣнію автора, состоитъ въ пониманіи міроваго и историческаго процесса, какъ трагедіи, притомъ не призрачной или временной, но вполнѣ реальной борьбы двухъ духовныхъ началъ: добраго и злого. Разрѣшеніе же отнесено къ новой міровой эпохѣ, когда князь міра будетъ изгнанъ, зло связано и побѣждено, и непорочная невѣста Агнца, спасенная отъ чаръ и вражды вавилонской блудницы, приготовитъ себя къ небесному чертогу... Въ исторіи возможенъ „прогрессъ", ростъ цивилизаціи, матеріальнаго благополучія и, однако, внутренній итогъ исторіи, по мнѣнію автора, есть все-таки не гармонія, но трагедія, окончательное обособленіе добра и зла и въ немъ послѣднее обостреніе міровой трагедіи. Тысячелѣтнее царство (20-я глава Апокалипсиса), говоритъ Булгаковъ, можетъ застигнуть Церковь въ катакомбахъ, въ гоненіи, можетъ быть не замѣчено извнѣ, въ міровой исторіи... Въ соціализмѣ, какъ міровоззрѣніи, авторъ видитъ старую вѣру въ наступленіе земного рая... Соціализмъ—это раціоналистическое, переведенное съ языка космологіи и теологіи на языкъ политической экономіи переложеніе іудейскаго хиліазма. (Изъ замѣтки Е. М. въ газ. „Россія").

= Въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ памяти Вилліама Джемса, „Логика религіознаго творчества" Л. Шестовъ утверждаетъ, что Джемсъ, начавъ съ борьбы противъ раціонализма, самъ, въ концѣ концовъ, признавъ наивысшимъ критеріемъ истины пользу, вернулся отъ „безумія" высшей истины въ сторону мудрости сего міра.

Если бы Джемса спросили, въ чемъ основной грѣхъ всѣхъ философскихъ и теологическихъ построеній, онъ—предполагаетъ Шестовъ—отвѣтилъ бы: въ постоянномъ стремленіи подчинить вселенскую жизнь одной идеѣ. Это грѣхопаденіе впервые совершилъ Ѳалесъ, признавъ всему одинъ источникъ бытія, и эта предпосылка стала для человѣчества истиной „an sich“ и наука задалась, какъ послѣднею своею цѣлью, преодолѣть „въ идеѣ“ многообразіе существующаго міра. И не только наука, но и религія... Правда, Тертуліанъ чуть не черезъ 1.000 л. послѣ Ѳалеса сказалъ: certum est, quia impossibile est (т. е. несомнѣнно—ибо невозможно), но—повидимому, такое своеволіе разрѣшалось только на одинъ разъ—говоритъ Шестовъ—а затѣмъ молчаливо предполагалась „вѣчная“ покорность: водворялось прежнее строгое и неизмѣнное единство... Апостолъ Павелъ говоритъ: „по разсужденію человѣческому“, когда я боролся со звѣрями въ Ефесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ? Станемъ ѣсть и пить—ибо завтра умремъ“. Въ этихъ словахъ—объективное разрѣшеніе вопроса о безсмертіи, ни мало не связанное съ тѣмъ, принесетъ ли оно намъ горе или радость...

„Ибо написано (говоритъ онъ дальше): погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну... Не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе? Ибо, когда міръ „своею“ мудростью не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу безуміемъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Ибо и іудеи требуютъ чудесъ и эллины ищутъ мудрости; а мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ соблазнъ, для эллиновъ безуміе“. Здѣсь онъ противопоставляетъ свое „безуміе“ мудрости міра, какъ равное равному, какъ даже превосходное... но—говоритъ Шестовъ—этотъ же Апостолъ Павелъ былъ творцомъ христіанской теологіи, его непреклонной волѣ обязано своимъ существованіемъ европейское христіанство, какъ церковь, какъ система объединенныхъ одной идеей истинъ...

Основную тенденцію научнаго мышленія Джемсъ выводилъ изъ „человѣческихъ склонностей“: въ такомъ утвержденіи ученые готовы видѣть недобросовѣстное и злонамѣренное покушеніе на неприкосновенность человѣческихъ святынь и Джемса отъ такихъ упрековъ спасала только его признанная всѣмъ міромъ репутація крупнаго ученаго; и такое утвержденіе Джемса, между прочимъ, совпадало во многомъ съ выводами полемизирующими противъ него гносеологами: Д. С. Милль, развивая „скептическія“ идеи Юма, утверждалъ, что у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ единообразія законовъ бытія, и трансцендентальная эстетика Канта, какъ и его трансцендентальная логика, цѣликомъ построена на Тертулліановомъ принципѣ „certum est, quia impossibile

est"... И въ самомъ дѣлѣ—спрашиваетъ Шестовъ—на какомъ основанiи мы можемъ дѣлать подобныя обобщенiя?... Видный представитель современной гносеологiи Риккеръ открыто заявляетъ, что если мы непосредственно соприкасаемся съ дѣйствительностью, то въ ней насъ именно поражаетъ полное отсутствiе единообразiя. Порядокъ и послѣдовательность только въ нашей головѣ... Если же, разъ выяснилось—говоритъ Шестовъ,—что источникомъ нашихъ сужденiй является неизмѣнная дѣйствительность, какъ у Аристотеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ не этическiй принципъ, а простая человѣческая склонность, то является естественный вопросъ: почему же изъ многочисленныхъ человѣческихъ склонностей мы выбираемъ одну и ей отдаемъ предпочтенiе предъ другими? И—хватитъ ли у Джемса смѣлости и искусства сдѣлать всѣ выводы изъ его рискованнаго положенiя?... И вотъ Джемсъ — продолжаетъ Шестовъ—рѣшается на дерзновенный опытъ: онъ пытается въ безумiи найти творческую силу... По его мнѣнiю, наибольшихъ результатовъ добивались какъ разъ тѣ люди, состоянiе умственныхъ способностей которыхъ менѣе всего внушаетъ довѣрiя врачамъ-психiатрамъ. Эта же мысль высказана нашимъ Достоевскимъ и проводилась имъ въ его художественныхъ произведенiяхъ. Въ новѣйшее время то же наблюдалось и у Ибсена. И въ своемъ „многообразiи религiознаго опыта" Джемсъ слѣдуетъ примѣру Достоевскаго и Ибсена... У религiозныхъ мыслителей были, какъ мы видѣли уже, попытки поставить безумiе на мѣсто мудрости, но... по мѣрѣ того, какъ христiанство прiобрѣтало все болѣе и болѣе адептовъ, по мѣрѣ того, какъ приближался моментъ его мiрового господства, медленно, но вѣрно подготовлялось и сближенiе новаго ученiя съ здравымъ смысломъ, вѣры съ разумомъ, съ „мудростью" въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется ап. Павломъ. „Съ наступившимъ при Кипрiанѣ (IV вѣкъ) поворотомъ въ пониманiи идеи „католической" церкви, заканчивается отпаденiе отъ Евангелiя—говоритъ Адольфъ Юлихеръ („Die christliche Religion"); „не то, чтобы стали пренебрегать вѣрой... но... процессъ спасенiя, который для Христа былъ простымъ событiемъ обращенiя человѣческой души къ Богу—превращается въ сложную систему: церковь приняла на себя роль искупителя... „Стадное" чувство подавило въ религiозной области возвышенное движенiе индивидуализма. Живая, человѣческая истина—говоритъ Шестовъ—заражается и гибнетъ въ атмосферѣ множественности. „Безумiе" не можетъ никогда добиться признанiя, болѣе того—не хочетъ признанiя, не выноситъ его. Истина настоящаго пророка съ пророкомъ рождается и съ нимъ же умираетъ. Пусть человѣкъ творитъ свободно, всякое творчество всегда само себя оправдываетъ, логическiя и гносеологическiя ограниченiя ни на чемъ не основаны,—съ

этого началъ Джемсъ... Но—затѣмъ онъ сталъ дѣлить „безумія“ на категоріи и разряды и отбиралъ только такого рода безумія, которыя могутъ оказаться общественно полезными... Повторилась старая исторія... Какъ могъ онъ съ увѣренностъю утверждать, что каждый фактъ подлежитъ провѣркѣ — спрашиваетъ Шестовъ, — когда несомнѣнно, что огромное большинство фактовъ и фактовъ важнѣйшихъ—грандіознѣйшихъ внутреннихъ переживаній — по самой своей природѣ безусловно не допускаютъ провѣрки и регистраціи?!... Такимъ образомъ—кончаетъ Шестовъ — прагматизмъ не избѣгъ общей участи тяжко расплачивающихся за грѣхопаденіе Ѳалеса.

Н. Т.

Нѣтъ конца воскресеньямъ въ Богѣ.

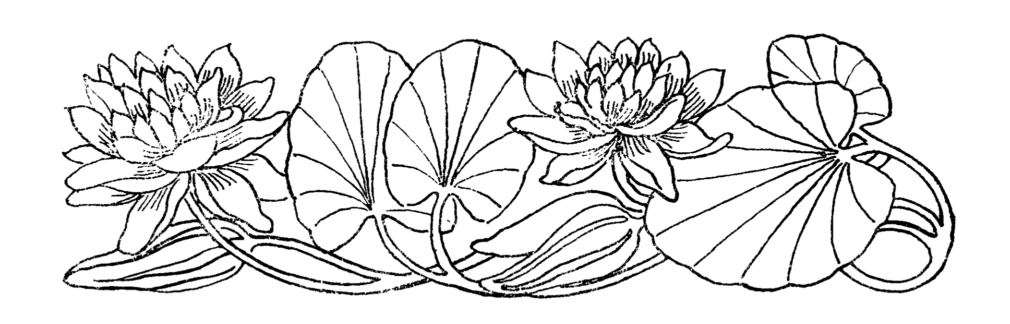
(Изъ книги невидимой).

О, Ты, Чьимъ именамъ нѣтъ конца, Кого называютъ Іеговой, Брахмой, Отцомъ, Христомъ, Буддой, Матерью и Невѣстой, и Женихомъ! Я видѣлъ тайну Твою!

(Изъ книги невидимой),

Ясно увидѣлъ я, что и разумъ, и плоть—только орудія духа,

(Изъ книги невидимой),

Письмо изъ Швеціи.

Это письмо посвящается выдающейся дѣятельницѣ теософическаго движенія въ Швеціи, Еленѣ Шюстэдтъ.

Съѣздъ представителей теософическихъ центровъ въ Швеціи состоялся, многолюдный и блестящій, но намъ всѣмъ *ее* не хватало. О *ней* мы не можемъ не думать безъ сожалѣнія, потому что *ея* душа была свѣтлѣе всѣхъ; *ея* стремленіе къ высочайшему идеалу осуществлялось въ самой *ея* жизни и постоянно вдохновляло насъ. Елену Шюстэдтъ нельзя забыть. Нельзя забыть это пламенное и вѣрное сердце, которое перестало биться; этотъ нѣжный, музыкальный голосъ, который такъ много и такъ прекрасно говорилъ о теософическихъ истинахъ; эти свѣтлые глаза, черезъ которые свѣтилась кроткая и сильная душа, и которые такъ чудно улыбались...

Какіе образы и картины встаютъ въ душѣ при этомъ имени!

Большой залъ. Всѣ мѣста заняты многочисленными слушателями. На эстрадѣ стоитъ стройная женщина въ свѣтломъ платьѣ; мягкія складки ниспадаютъ съ ея плечъ на восточный ладъ. Ея образъ напоминаетъ древнихъ Эллиновъ. Она говоритъ о Пиѳагорѣ, о Платонѣ, о Заратустрѣ и о Гаутамѣ Буддѣ; она говоритъ о великихъ религіяхъ древности и объ ихъ связи съ христіанствомъ. Свободно льется музыкальная рѣчь. Всѣ слушаютъ съ затаеннымъ дыханіемъ. Когда слушатели расходятся, они чувствуютъ, что унесли съ собой нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ обрывки новыхъ знаній: они получили толчокъ въ своей внутренней жизни, соприкоснулись съ высокимъ духомъ.

Картина мѣняется. Елена Шюстэдтъ и мужъ ея дома, у себя, въ своемъ живописномъ помѣстьѣ, Брейдабликъ, на берегу озера, среди горъ, покрытыхъ лѣсами. Когда настаетъ лѣто и розы цвѣтутъ, представители различныхъ міровыхъ теченій мысли слетаются въ этотъ гостепріимный домъ, облагороженный тончайшей духовной культурой. Здѣсь ежегодно гостятъ Виталисъ, Нордстрэмъ, Эмиль Линдбергъ, Марія Караджа и многіе другіе выдающіеся мыслители.

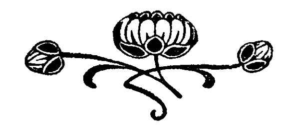
Новая картина... Густавъ Шюстэдтъ, мужъ Елены, умеръ. Брейдабликъ утеряло свое великолѣпіе и перешло въ чужія руки. Его прежняя владѣтельница поблѣднѣла и стала болѣе походить на индусскую іогиню, чѣмъ на красавицу древней Эллады. Она отдалась труду, но среди тяжелой работы она остается свѣтлой и прекрасной, вѣрная своему идеалу, ибо она живетъ въ мірѣ духовныхъ реальностей: феноменальный міръ утерялъ свою власть надъ нею.

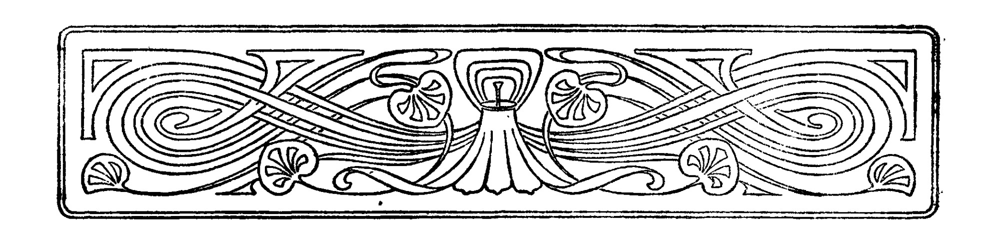
Еще картина... Елена спитъ послѣднимъ сномъ въ бѣломъ гробѣ. Величавымъ и глубокимъ спокойствіемъ вѣетъ отъ ея блѣднаго лица. Друзья ея возлагаютъ на гробъ вѣнокъ съ надписью: „Ни время, ни смерть насъ не разлучатъ".

И сегодня вечеромъ, на послѣднемъ собраніи годового съѣзда, друзья ея въ память ея снова плетутъ вѣнокъ и вплетаютъ въ него живые невидимые цвѣты. Нѣжная зелень, которую она такъ любила, говоритъ о вѣчномъ благомъ законѣ. Голубыя незабудки напоминаютъ о вѣрности и преданности, а золотистыя лиліи говорятъ о первыхъ лучахъ восходящаго солнца, когда оно въ Пасхальное утро озаряетъ соборъ, въ которомъ раздается торжественное пѣніе „Христосъ Воскресе!" Мы вплетаемъ въ вѣнокъ и бѣлыя лиліи, сверкающіе лепестки которыхъ намъ напоминаютъ о языкахъ пламени, сошедшихъ на Апостоловъ въ день Пятидесятницы. Этотъ вѣнокъ мы готовимъ *ей*, апостолу живой любви и, включивъ въ него пучекъ пунцовыхъ розъ, символа любви, мы вручаемъ его ей съ тройственнымъ древнимъ мистическимъ привѣтомъ:

„Миръ, Миръ, Миръ!"

Е. Т.

Письмо изъ Англіи.

(Открытіе Института **Е. П. Блаватской**).

Послѣ утомительнаго зимняго Лондонскаго сезона, толкотни, суеты, несносныхъ автомобилей и тумановъ, хорошо было очутиться въ вагонѣ и обратить свои помышленія на наше новое убѣжище, на ту группу горячихъ сердецъ, которыя сплотились крѣпко и дружно для служенія во имя Елены Петровны Блаватской. Союзъ этотъ такъ силенъ, что лучи его уже достигали меня, его преданнаго члена, не взирая на дальнее разстояніе. Мои мечты относительно сокровеннаго значенія жизни и ея задачъ, которыя казались такими несбыточными среди окружающей будничной, равнодушной, вѣчно торопящейся толпы, пріобрѣли, наконецъ, поборниковъ и сотрудниковъ! Далекіе друзья мои! думаю, что среди васъ, не мало такихъ же „мечтателей", не мало идеаловъ носится въ тиши сердецъ, не мало грусти о ихъ несбыточности, и потому вы хорошо поймете, съ какою радостью я направлялась изъ шумнаго Лондона къ мѣсту встрѣчи съ моими единомышленниками. Путь мой лежалъ за Манчестеръ въ мѣстечко Гель.

Я сѣла въ уголокъ вагона. Было свѣтло, тепло и тихо. Двѣ молодыя парочки тихо ворковали старинную, вѣчно юную пѣснь любви подъ шумъ катящагося поѣзда. Я же думала объ Еленѣ Петровнѣ и ея удивительной работѣ, почти непостижимой для современнаго человѣческаго ума и подъ-конецъ впала въ глубокій сонъ.

Должно быть онъ былъ крайне необходимъ усталому тѣлу и усталому мозгу и послужилъ мостикомъ для перехода въ другую лучшую сферу. Я проснулась бодрая, радостная и, пріѣхавъ въ Гель, съ самымъ свѣтлымъ чувствомъ позвонила у двери

Guest House, который открылся при Институтѣ Блаватской. Въ буквальномъ переводѣ на русскій языкъ, надо читать „гостинница", но это названіе далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Его милая хозяйка—молодая дѣвушка, горячо преданная Теософіи, совсѣмъ не подходитъ къ типу „хозяйки гостинницы". Она и ея помощница, изящныя англичанки, обѣ въ хорошенькихъ свободныхъ jibar (арабская одежда въ родѣ сарафана, спускающаяся съ плечь красивыми складками) встрѣтили меня съ объятіями и поспѣшили устроить, обогрѣть, накормить меня и обѣщали провести къ вечернему пріему въ Институтъ. Въ моей комнатѣ уже пылалъ веселый каминъ, столовая сверкала огнями и чистотой и тамъ же на боковомъ столѣ стояла газовая плита, на которой грѣлся нашъ вегетаріанскій ужинъ. „Я вѣдь здѣсь и хозяйка, и поваръ, и горничная, и посыльный"—объясняла молодая хозяйка. Надо имѣть все подъ руками.

По дорогѣ въ Институтъ, она мнѣ каялась, что работа при устройствѣ этого „дома для гостей" дѣйствительно довольно утомительна, но, говорила она, „мнѣ хочется создать хорошую атмосферу, а какая же можетъ быть атмосфера съ наемной прислугой?"

Видно было по всему, что обѣ дѣвицы несли тяжелую и напряженную работу, но не смотря на это—обѣ выглядѣли цвѣтущими и здоровыми.

Мы вышли на узенькую дорожку, обсаженную деревьями. Душа моя наполнилась радостью, я почувствовала, что иду въ родное гнѣздо, гдѣ мнѣ будутъ рады, гдѣ я нужна, такъ, какъ нуженъ каждый членъ дружной семьи и, гдѣ я, въ свою очередь, могу черпать помощь и силу. Дождя больше не было, на темномъ небѣ едва выдѣлялись окружающія деревья. Направо привѣтливо сіяли окна дома, въ которомъ живетъ M-rs L., на долю которой выпала добрая карма снабдить семью теософовъ денежными средствами. Объ этомъ никогда не говорятъ, но я догадываюсь.

Еще аллея, и въ концѣ ея я вижу горящую электричествомъ надпись: *Институтъ Блаватской*. Подходимъ ближе. Совсѣмъ необыкновенный домъ, похожъ на храмъ. Онъ какъ-будто и воздвигнутъ былъ собственно для этой цѣли, среди деревьевъ въ тихомъ зеленомъ уголкѣ. Окна сіяли. Мы вошли въ высокую свѣтлую переднюю, сняли верхнюю одежду и... очутились *дома*; всюду деревья, и направо, и налѣво, все дружескія радостныя лица. Сначала мнѣ показалось, что я вошла заразъ въ нѣсколько

залъ, словно строитель зналъ, что строитъ не частный домъ, а храмъ, открытый для всѣхъ. Много было друзей Вейбурнскихъ, были и Австралійцы, и Американцы, и я Русская.

Вотъ и мои старые два товарища Дёнлопъ и Лэзенби на обычномъ мѣстѣ, какъ-будто и дня не прошло съ Вейбурнскихъ собраній.

„Здѣсь у насъ нѣтъ антагонизма національностей и религій—говорилъ Д.—нѣтъ борьбы Восточнаго и Западнаго оккультизма; мы равно привѣтствуемъ и мартинистовъ, и розенкрейцеровъ, и какія угодно наименованія усилій Человѣческой мысли проникнуть въ истину. Мы надѣемся, что въ этомъ Институтѣ будутъ собираться международныя конференціи и конгрессы, что здѣсь раздадутся голоса и Анни Безантъ, и Докт. Штейнера, и нашихъ русскихъ и голландскихъ товарищей. Мы также надѣемся, что этотъ центръ, посвященный служенію, будетъ не единственнымъ, и что такіе же центры будутъ возникать одинъ за другимъ повсюду, какъ выраженіе назрѣвшей необходимости духовной жизни".

Въ субботу 24-го декабря, въ 3 часа, Лэзенби прочелъ превосходную лекцію о миѳѣ Солнца. Не знаю, что именно принято теософами изъ этого „миѳа" какъ истина, не знаю даже, какія существуютъ книги по этому предмету, такъ какъ знанія мои пока еще очень ограничены, но тайна Солнца давно уже запала въ мою душу; думаю, что вмѣстѣ со мной живутъ тысячи душъ, которыя, такъ же какъ и я, согрѣваемыя его живительными лучами, стремятся узнать: что же такое Солнце? Мы переживаемъ такое время, когда повидимому не осталось незатронутой почвы подъ ногами. Все взрыто, все зашевелилось, обнажаются корни вѣковыхъ традицій, открываются неизвѣданныя глубины, и остановиться этой волнѣ дерзновенія невозможно. Умъ стремится проникнуть и вглубь, и въ будущее, и въ прошедшее. Солнце... *Нельзя* не задуматься надъ этимъ чудомъ, которое не поражаетъ насъ только потому, что оно совершаетъ свое чудотворное дѣло жизни неизмѣнно, подчиняясь, какъ и все остальное, неизмѣннымъ законамъ. Я *не знала*, что такое Солнце, но всегда чувствовала Его, хотя и боялась облечь эти чувства въ слова, инстинктивно опасаясь подвергнуть ихъ леденящей критикѣ. Какъ же радостно было услыхать слова ученаго профессора-теософа, что „Солнце" есть проявленіе, индивидуализація Божества, и что циклы его связаны съ эволюціей Духа. Всѣ Спасители міра появлялись 25-го декабря, въ день зимняго солнцестоянія, всѣ Сыновья Солнца—Сыновья Бога.

На этотъ разъ въ нашемъ собраніи были и дѣти, и въ сочельникъ они приняли участіе въ томъ, что можно бы назвать рождественской мистеріей. Мы вошли въ полутемный залъ, усланный большимъ ковромъ. Тишина была невозмутимая и я почувствовала какое то строгое благоговѣніе; мы разсаживались передъ импровизованной сценой молча, какъ бы осѣненные уже молитвеннымъ настроеніемъ. Посреди ковра на высокомъ задрапированномъ сидѣньи помѣстилась маленькая дѣвочка, олицетворявшая Дѣву Марію. Серьезные, сосредоточенные глазки малютки свѣтились чистымъ свѣтомъ. Вслѣдъ затѣмъ раздалось пѣніе; дверь отворилась и показалась процессія пастуховъ и маговъ, все дѣти 6—7 лѣтъ. Ихъ дѣтскіе, чистые, серебристые голоса звучали такъ трогательно, что мнѣ показалось—невозможно было бы найти лучшихъ изобразителей этого акта изъ вѣчной драмы, такой цѣльной вѣры въ реальность изображаемаго событія. Дѣтки были такъ малы, что восточные ихъ костюмы, спускавшіеся до полу свободными живописными складками, изъ подъ которыхъ выступали голыя ножки—были очевидно сдѣланы изъ женскихъ шарфовъ. Какъ благоговѣйно подвигались они, поднявъ глаза къ воображаемой темной синевѣ ночного южнаго неба и торжественно неся въ рукахъ дары. Это шествіе и это дѣтское пѣніе не выходитъ у меня изъ головы.

Я увѣрена, что и дѣтки эти навсегда сохранятъ любовное воспоминаніе объ этомъ событіи ихъ жизни. Ихъ руководители внесли въ эту работу столько любви и пониманія, поэзіи и красоты, что впечатлѣнія эти не сбросятся вмѣстѣ съ костюмами, это можно было прочесть въ выраженіи ихъ лицъ. Послѣ этого наступилъ эпизодъ ёлки, которую поставили подъ портретомъ Елены Петровны. Въ углу зала прекрасный рояль и отличная музыкантша, которая и руководила дѣтскимъ пѣніемъ. Дѣти эти принадлежатъ къ группѣ „Лотоса“, которая собирается каждое Воскресенье въ Институтѣ Блаватской и все „обученіе“ происходитъ на коврѣ передъ каминомъ.

Эта попытка новаго воспитанія по теософическимъ линіямъ снова возбудила во мнѣ всѣ тѣ мысли, которыя—увѣрена въ томъ—проснулись уже въ тысячахъ людей, которымъ приходится стоять лицомъ къ лицу съ новыми потребностями нашихъ дѣтей. Уже раздаются голоса все чаще и чаще, что современныя дѣти не удовлетворяются тѣми книжками, которыми мы и наши отцы и матери зачитывались въ свое время. Новымъ дѣтямъ многое кажется грубымъ, жестокимъ и возмущаетъ ихъ сердце. Намъ,

взрослымъ, нужна новая литература, новыя условія жизни, новое отношеніе любви и братства: рамки сознанія раздвинулись; было бы странно, еслибъ дѣти—эта заря будущаго—повторяли бы старое, отброшенное и износившееся, а не протягивали руки къ чему то болѣе тонкому, любовному, нѣжному. Къ сожалѣнію еще мало такихъ поэтовъ, которые способны откликнуться на этотъ призывъ и созданіе новой братолюбивой литературы для дѣтей остается все еще задачей. Нѣсколько теософовъ уже пробуютъ свои поэтическія дарованія на этомъ новомъ полѣ въ литературѣ, другіе ведутъ бесѣды съ дѣтьми, изучая въ то же время новыя требованія дѣтей, вглядываясь въ новыя черты, проложенныя расширеннымъ сознаніемъ родителей и болѣе богатымъ опытомъ воплощенныхъ въ этихъ дѣтяхъ душъ.

Позднѣе, въ тотъ же вечеръ сочельника мы снова собрались въ институтѣ. Каждое собраніе начинается и кончается музыкой. Одна изъ гостей, только что пріѣхавшая изъ Милана, хорошая пѣвица наполнила наши сердца красивыми звуками и когда предсѣдатель всталъ и окинулъ насъ—своихъ друзей—глубокимъ любовнымъ взглядомъ, тишина была полная и, казалось, миръ спустился на насъ.

Я не въ состояніи передать содержаніе лекцій; хотѣлось бы только передать, хотя блѣдно и неполно, отраженіе этихъ лекцій на настроеніи насъ—слушателей.

За послѣднее время я часто удивлялась и себѣ и другимъ, какъ возможно оставаться равнодушнымъ и холоднымъ, продолжать прежнюю жизнь, интересоваться ея иллюзорными радостями и перемѣнами, питать въ себѣ мелкія чувства по отношенію къ людямъ, дѣлить ихъ на классы, на симпатичныхъ и несимпатичныхъ, интересныхъ и неинтересныхъ,—когда знаешь, какія событія готовятся въ ближайшемъ будущемъ? Неужели эти перспективы не въ силахъ измѣнить каждый атомъ нашего бытія? Мнѣ вспоминается землетрясеніе въ С.-Франциско. Здѣсь великая перемѣна произошла только во внѣшнихъ условіяхъ жизни. И однако, всѣ понятія, всѣ отношенія людей между собой измѣнились моментально. Богатая, избалованная женщина спала подъ открытымъ небомъ рядомъ съ обитательницей трущобъ и держала въ своихъ объятіяхъ грязнаго ребенка, прикрывая его рубище остатками своихъ роскошныхъ одеждъ. Сухая корка хлѣба свято дѣлилась съ сосѣдомъ. Отчего это произошло? Оттого, что въ эту минуту люди въ первый разъ поняли всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями своими, какъ иллюзорно то, что они до сихъ

поръ считали реальностью. Въ громѣ падающихъ зданій, въ разверзающихся безднахъ земли прозвучалъ этотъ голосъ, который не могъ достигнуть до людей инымъ путемъ. Люди были потрясены и душа ихъ открылась.

Такъ было и съ нами, когда въ лѣто 1909 года мы слушали Анни Безантъ, которая, освѣщая отдаленнѣйшіе уголки нашей души, приподнимала передъ нами завѣсу будущаго. Въ эти минуты Майа разсѣялась и божественное откровеніе было съ нами, въ насъ, вокругъ насъ!.. Но надолго-ли? День, два, и мы снова, окруженные своими ларами и пенатами, живемъ по старому, мы не въ силахъ удержать священнаго огня, неустанно распредѣляя его по всѣмъ периферіямъ нашего внутренняго бытія.

Поэтому и цѣнны такія рѣчи, которыя говорилъ намъ Д. Денлопъ. Онѣ помогаютъ сохранить въ сердцѣ божественный огонь. Полный смиренія, дѣля съ учениками всѣ ихъ скорби и недоумѣнія, онъ, въ своей безпредѣльной вѣрѣ и въ своемъ проникновеніи идеей служенія, такъ ярко олицетворялъ присутствіе и помощь Учителей, что мы всѣ чувствовали себя осѣненными Высшей Силой и выходили укрѣпленные и утѣшенные. Содержаніе его рѣчей вообще трудно передать, но мнѣ кажется это и не важнымъ. Какую бы тему онъ ни избралъ, впечатлѣніе выражалось всегда въ ощущеніи душевнаго роста, а не въ пріобрѣтеніи новыхъ фактовъ и изысканій.

Проф. Лэзенби совершенно иного характера и темперамента. Необыкновенная эрудиція, обширныя свѣдѣнія, свободно льющаяся рѣчь, голосъ, который проникаетъ въ отдаленнѣйшіе углы зала, и поистинѣ феноменальная неутомимость и готовность всегда и вездѣ служить своими знаніями, — дѣлаютъ его неоцѣненнымъ руководителемъ Института Блаватской. Въ одной изъ своихъ лекцій онъ далъ намъ обзоръ всѣхъ философій міра, началъ съ Ѳалеса и, отмѣчая всѣ главныя характеристики и развѣтвленія каждой философской школы на черной доскѣ, — онъ дошелъ до школы Н. Р. В., которую онъ ясно отдѣляетъ отъ Ел. П. Блаватской.

Весь этотъ могучій взмахъ, вся эта исторія высочайшихъ думъ вѣковъ — въ его рукахъ ложилась такъ просто и ясно, какъ бы шутя. Профессоръ Лэзенби поистинѣ мастеръ своего дѣла. Онъ даетъ три лекціи ежедневно. Въ промежутокъ между ними его можно видѣть и въ дождь, и въ непогоду или въ окрестностяхъ (Институтъ владѣетъ фруктовымъ садомъ, за которымъ идетъ лѣсокъ, затѣмъ — рѣчка съ водяной мельницей

начиная отъ которой можно совершать далекія прогулки среди полей и многолюдныхъ поселеній), или же забѣгающимъ въ Guest House, гдѣ его готовность служить немедленно сказывается такъ или иначе: то онъ тащитъ сверху сундукъ какой нибудь отъѣзжающей гостьи, то сидитъ въ пальто и шляпѣ у камина и отвѣчаетъ на вопросы учениковъ и посѣтителей; иногда его веселый голосъ раздается и въ кухнѣ, куда онъ заходитъ къ нашимъ работницамъ, и я увѣрена, что эти веселыя минуты (онъ большой юмористъ) сильно поддерживаютъ захлопотавшихся хозяекъ. Одинъ изъ нашихъ рождественскихъ вечеровъ былъ озаглавленъ „У бивуачнаго огня". На этотъ разъ царствовала полная простота и совершенный семейный характеръ. Молодыя дѣвушки, подростки, немало и старыхъ, расположились на громадномъ коврѣ передъ каминомъ, остальные размѣстились въ креслахъ полукругомъ. Тутъ оказались самые разнообразные таланты. Особенно отличились поэты. На сценѣ были и Броунингъ, и Уольтеръ Уитманъ, и суфисты. Одинъ изъ теософовъ оказался преподавателемъ на драматическихъ курсахъ и ему не давали покоя. Была и музыка, были и групповые разговоры. Портреты учителей, Е. П. Б., А. Безантъ смотрѣли на насъ со стѣнъ и намъ хорошо было непрестанно держать ихъ на сердцѣ, что бы ни говорили уста, что бы ни воспринимали уши. Все ближе и ближе казалась ихъ связь съ нами, все больше проникались мы ихъ идеалами, ихъ примѣромъ.

Меня особенно радовала красота, разлитая во всей схемѣ Института. Намъ всѣмъ хорошо извѣстно, какъ мало привлекательнаго въ обстановкѣ большинства англійскихъ теософическихъ собраній. Изъ оконъ долетаетъ обычный уличный шумъ, свистки, моторы, крики газетчиковъ. Иногда приходится проходить по высокимъ лѣстницамъ черезъ всевозможныя вибраціи будничной, торговой жизни. Все убранство состоитъ изъ нѣсколькихъ портретовъ, рядовъ стульевъ и маленькой платформы: все расчитано на строгую экономію. Въ Институтѣ Блаватской все красиво, широко и необыкновенно. Всѣ стѣны сверху до низу отдѣланы деревомъ какого то пріятнаго золотого цвѣта. Высокія окна выходятъ прямо въ садъ, никакого намека на городскую уличную жизнь. Величественныя сѣни, въ глубинѣ которыхъ двери открываются прямо въ садъ. Большіе красивые ковры въ разныхъ уголкахъ передъ всѣми каминами, словно призывающіе къ уютнымъ бесѣдамъ. Чья то заботливая рука щедро наполняетъ всѣ камины, и огонь весело перебѣгаетъ по раскаленнымъ углямъ, словно говоря о гостепріимномъ англійскомъ Рождествѣ. А эта

бодрая свѣтлая молодежь, съ такой гордостью несущая всѣ заботы общаго новаго гнѣзда, вносящая такую радостную ноту, она даетъ всѣмъ намъ настроеніе такой свѣтлой надежды, такой увѣренности, что міръ дѣйствительно мѣняется на нашихъ глазахъ и жизнь повернула къ свѣту.

Программа занятій въ Институтѣ Блаватской слѣдующая:

Элементарный курсъ теософіи.

Исторія философіи.

Психологія.

Эзотерическое истолкованіе литературы.

Священныя Писанія міра.

Символизмъ.

Курсъ лекцій по изученію Исторіи Магіи.

Спеціальный курсъ Высшаго Буддизма.

Классы для изученія Разоблаченной Изиды и Тайной Доктрины.

Воскресныя вечернія лекціи о Христіанской мистикѣ.

Русскимъ товарищамъ, желающимъ изучать теософію и англійскій языкъ, или просто перемѣнить обстановку и пожить въ тишинѣ и уединеніи и, я бы сказала, подъ крыломъ высшаго вліянія, лучшаго мѣстечка не найти *).

Распредѣленіе лекцій въ институтѣ Е. П. Блаватской.

Понед.:	11 ч. — м. у.	Элементарная Теософія	лект.	г.	Лезенби
	3 „ — „ дня	О магіи по Гартману	„	г-жа	Лейзенрингъ
	8 „ 30 „ в.	Публичная лекція			

(На публичныя лекціи приглашаются лекторы изъ разныхъ теософическихъ центровъ; онѣ бываютъ еженедѣльно, по понедѣльникамъ).

Вторн.:	3 „ — „ дня	Исторія философіи	лект.	г.	Лезенби
	8 „ 30 „ в.	Соціологія	„	„	Рейдъ.
Среда:	11 „ — „ у.	Міровыя Писанія	„	„	Лезенби
	3 „ — „ дня	Элементарн. Теософія	„	„	„
	8 „ 30 „ в.	Символизмъ	„	„	„
Четв.:	11 „ — „ у.	Исторія магіи	„	„	„
	3 „ — „ дня	О гностицизмѣ по Миду	„	г-жа	Дэнлопъ
Пятн.:	11 „ — „ у.	О „Разоблаченн. Изидѣ„, Е. П. Б. . .	„	г.	Лезенби
	3 „ — „ дня	Психологія	„	„	„
	8 „ 30 „ в.	Высшій буддизмъ	„	братъ	Антиша

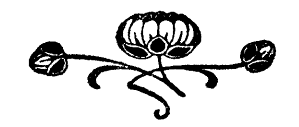
*) Дальнѣйшее развитіе Интернаціональнаго Союза ручного труда приходится за неимѣніемъ мѣста отложить до слѣдующаго письма.

Субб.:	8 „ 30 „ „	Изученіе Тайной Доктрины	„	г.	Лезенби
Воскр.:	11 „ 30 „ у.	Классы Лотоса *)			
	8 „ - - „ в.	Изученіе христіанской религіи . . .	„	„	Дэнлопъ

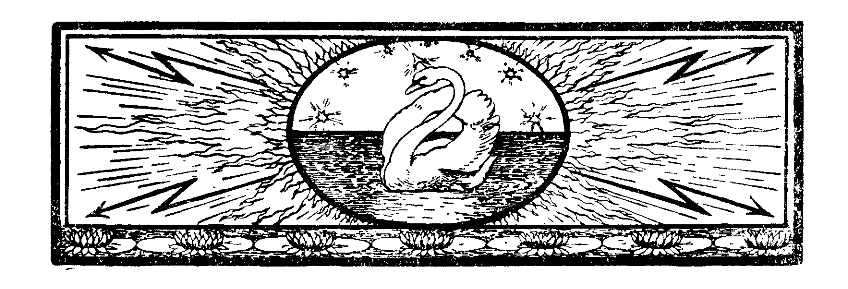
Примѣчаніе. Изученіе міровыхъ Св. Писаній по средамъ происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ: (лекторъ г. Лезенби).

1. Упанишады: { Ишопанишадъ. Кенопанишадъ. Катхопанишадъ.
2. Буддійскія Св. Писанія.
3. Коранъ.
4. Афоризмы Іоги Патанджали.
5. Тео-Те-Кингъ, Лао-Тсе.
6. Книга Гермеса, Пастыря.
7. Каббала.
8. Бхагавадъ-Гита.

Дана.

*) Помощь дѣтямъ въ духовномъ развитіи.

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Скитъ нерукотворный *).

Былъ одинъ для всѣхъ открытый храмъ,
Высокій вѣчный Лѣсъ. Оттуда къ небесамъ
Хвалебный гимнъ Творцу вселенной возно-
сился.
Тамъ Богу всѣхъ живыхъ Единому молился.
Попъ.

Что такое представляетъ собою Лѣсъ? Что за чарующая сила притягиваетъ насъ? Человѣкъ обыкновенный скажетъ, что лѣсъ есть группа дико растущихъ деревьевъ, изъ которыхъ получаются строительный матеріалъ и топливо. Для поэта и религіознаго мистика лѣсъ имѣетъ таинственную, необъяснимую чарующую привлекательность. Въ немъ и неизсякаемый источникъ для творческой дѣятельности. Поэзія всегда черпала могучія вдохновенія. Религія и поэзія, какъ двѣ духовныя силы, имѣютъ тѣсную связь съ таинственной силой деревьевъ. Намъ извѣстны преданія и легенды, окруженныя ореоломъ священной поэзіи, указывающія на то, что религіозная жизнь имѣла соприкосновеніе съ лѣснымъ царствомъ.

Великій Рамъ въ лѣсу получилъ откровеніе пророческой миссіи и цѣлебное средство, которое онъ получилъ отъ таинственнаго суще-

*) Статья эта представляетъ интересъ, какъ яркій симптомъ той глубокой и интенсивной духовной работы, которая происходитъ въ наше время не только среди интеллигенціи, но и въ крестьянской и рабочей средѣ. Авторъ этой статьи крестьянинъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губ. А. П. Назаровъ. Это одинъ изъ тѣхъ богато одаренныхъ самоучекъ, не получившихъ никакого школьнаго образованія, которыхъ такъ много на Руси и дарованія которыхъ большею частью пропадаютъ вслѣдствіе тѣхъ ненормальныхъ условій, при которыхъ протекаетъ наша общественная жизнь. Примѣчаніе редакціи.

ства. Въ индійскомъ поэтическомъ сказаніи о Кришнѣ разсказывается, что мать его, дѣва Деваки, въ глубинѣ священнаго лѣса, оплодотворенная міровымъ Духомъ, зачала божественнаго младенца.

Большая часть древнихъ мистерій справлялись въ глубинѣ священныхъ рощъ. Пиѳагоръ преподавалъ ученикамъ свои уроки подъ сѣнью священной рощи; Будда достигъ второго рожденія и духовнаго просвѣтленія подъ деревомъ, подъ нимъ началъ свою проповѣдь и подъ нимъ скончался. Въ религіи Моисея дерево имѣетъ глубокое символическое значеніе, гдѣ скрывается сокровенная мудрость *).

Благородные люди съ нѣжной душой, художники молитвы, утомленные суетными условностями, и злобой людской, и всѣми диссонансами пустыхъ тревогъ, убѣгали подъ живой шумящій покровъ пустыни лѣса, чтобы въ этомъ нерукотворномъ скиту или Божіемъ саду сосредоточить свои мысли и чувства для воспринятія высшаго вдохновенія, счастія гармоніи и той высшей поэзіи, куда стремится наша плачущая Психея.

Мечтатели получаютъ прекрасныя и обольстительныя иллюзіи въ величественной тишинѣ лѣса. Тоскливая пѣснь вѣтра съ трепетаніемъ листьевъ, таинственный шумъ лѣса производитъ глубокое впечатлѣніе на душу и уноситъ ее въ область мечтаній... Въ нѣкоторыя минуты особеннаго душевнаго настроенія, живая картина лѣса напоминаетъ библейскій рай или символъ таинственной высшей красоты садовъ невѣдомыхъ міровъ. Кажется въ такія минуты, будто въ лѣсу скрыто особенное царство неизъяснимой красоты, которое способно открыть свое покрывало, и тогда пробудится особенная жизнь и красота при полномъ блескѣ сіянія. Кажется, что вотъ покажутся волшебные замки и брилліантовыя башни серебряныхъ храмовъ и чистые хрустальные чертоги засіяютъ источникомъ невѣдомаго свѣта.

„Природа—это поэма, смыслъ которой непонятенъ, потому что она написана таинственными письменами", сказалъ Шеллингъ. Нужно соединить много искусствъ, чтобы дать настоящее представленіе о лѣсѣ. Онъ не только живетъ и дышитъ, но какъ бы говоритъ и думаетъ (конечно, не какъ человѣкъ). Здѣсь нужны поэзія, музыка и живопись.

„Поэзія", говоритъ Гюйо, „всегда задавалась вопросомъ, не существуетъ ли невѣдомо для людей могучей скрытой жизни въ величественныхъ горахъ, въ неподвижныхъ деревьяхъ, въ вѣчно волнующихся водахъ, и не думаетъ ли эта нѣмая природа о чемъ-нибудь неизвѣстномъ намъ". Наша душа подъ сѣнью лѣса вдохновляется чувствомъ возвышенной радости и веселія. Здѣсь чувствуется чистая возвышенная радость, созерцаніе красоты таинственнаго вліянія природы. Это

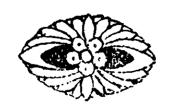
*) См. книгу Эд. Шюре „Великіе Посвященные".

моменты такого очарованнаго состоянія, когда улетучивается дѣйствительность, которая кажется волшебнымъ сномъ. Въ этой тиши благоговѣнія насъ осѣняетъ Вѣчная Тайна, и какъ бы слышится музыка безъ звука. Въ это время успокаиваются волны моря житейскаго со всѣми диссонансами пошлыхъ треволненій, душа настраиваетъ свою лиру и начинаетъ пѣть пѣснь Свободы и Любви, потому что въ этомъ моментѣ нѣтъ ни страха, ни гнетущей грустной печали, нѣтъ враговъ и недоброжелателей, любишь весь міръ, безъ разбора, истинной безкорыстной любовію. Сердце становится чище и добрѣе въ этихъ объятіяхъ безмолвной тишины, среди этой благодатной природы. Здѣсь вы не испытываете волненія отъ глупаго тщеславія, не страдаете отъ столкновенія съ грубыми интересами толпы, здѣсь нѣтъ ни лицемѣрія, ни лжи, ни зависти, ни окаменѣлыхъ сердецъ, ни омраченныхъ жизнію лицъ, и будто не существовало и не существуетъ тюремъ, казармъ и больницъ. Духъ чувствуетъ себя полнымъ господиномъ, освобожденнымъ отъ тяжкихъ оковъ необходимости. Кажется природа столь милосердна и любвеобильна и столь ласковы ея взоры и очарователенъ ея нарядъ! Столько здѣсь вдохновенныхъ грезъ и таящихся волшебныхъ тайнъ!

Мы должны вернуться подъ сѣнь благодатной природы, къ этому неисчерпаемому источнику вѣчной красоты, и внимать таинственному голосу вѣчной гармоніи, разлитой повсюду.

Жестокая рука палача ничего не щадитъ и истребляетъ великія блага природы. Грубая жестокость сквозитъ повсюду; невѣжество съ алчнымъ корыстолюбіемъ истребляютъ и разрушаютъ, мучатъ, увѣчатъ и караютъ, вездѣ оставляя слѣды разрушенія и растраты, а не созиданія и сбереженія. Мы знаемъ, какіе прекрасные и нужные лѣса истреблены невѣжествомъ и алчнымъ корыстолюбіемъ. Помню я прекрасныя рощи, гдѣ журчали ручьи и гдѣ пѣли хоры пташекъ и бѣгали звѣрки. Теперь на ихъ мѣстѣ безплодная унылая пустыня, поросшая мхомъ и чахлымъ кустарникомъ, и душа иной разъ такъ тоскуетъ о тѣхъ деревьяхъ и о той чудной таинственной жизни, гдѣ будто обитали добрые духи или прекрасныя божества....

А. П. Назаровъ.

„Театръ Ибсена“. Р о с м е р с г о л ь м ъ (Спб., 1910 г.). **И. А.** А п о л л о н с к о й (С т р а в и н с к о й).

Подъ этимъ заглавіемъ, какъ сказано въ примѣчаніи къ этой книгѣ,—предполагается цѣлая серія этюдовъ о наиболѣе характерныхъ Ибсеновскихъ пьесахъ: въ этой же первой книгѣ послѣ маленькаго предисловія о „загадкахъ' и задачахъ Ибсена“—разбирается очень подробно драма Росмерсгольмъ, въ которой особенно разносторонне освѣщены вопросы брака и общественности. Этотъ разборъ, написанный, какъ говорится въ примѣчаніи же, ради облегченія актера при его часто спѣшной сценической работѣ и большой запутанности о сложности Ибсеновскихъ пьесъ,—вполнѣ удовлетворяетъ этой цѣли: т. е. можетъ помочь подойти къ пониманію символовъ, и сдѣланъ этотъ разборъ очень живо и интересно, но—если посмотрѣть съ чисто художественной точки зрѣнія и если ожидать найти въ этомъ разборѣ дѣйствительное проникновеніе въ „символизмъ“ Ибсена, то надо сказать, что такого проникновенія нѣтъ, что авторъ весь символизмъ свелъ просто къ аллегоріямъ и что нельзя вообще такъ прямолинейно подходить и такъ детально разбирать—„переводить“ то, что поэту чувствовалось и видѣлось лишь въ символахъ.

Б и б л і о г р а ф и ч е с к і й у к а з а т е л ь „T. P. S. Book Notes“ указываетъ на интересную книгу В. Р. Троубриджъ, посвященную знаменитому и столь мало понятому гр. Калліостро (The splendour and misery of a Master of magie).

Обращается также вниманіе на двѣ новыя книги изъ Восточной серіи Ж. Мерей: „Алхимія счастья“, Алъ Газзали и выдержки изъ поэмъ персидскаго поэта Гафиза.

Изъ научныхъ сочиненій отмѣчается книга доктора Б. Газетъ „Фазисы эволюціи и наслѣдственности“, въ которой авторъ приходитъ

къ признанію закона перевоплощенія, какъ гипотезѣ, бросающей яркій свѣтъ на проблемы жизни.

Книга другого врача, Франца Клейнтрода, „Законъ жизни“ посвящена вопросамъ жизни и смерти съ новой біологической точки зрѣнія. Авторъ признаетъ въ человѣкѣ присутствіе особаго жизненнаго начала, изученіе котораго должно выяснить законъ жизни.

Еще отмѣчена книга врача Буттнера „Безубойное питаніе“, въ которой авторъ указываетъ на необходимость держаться чистой пищи, чтобы быть здоровымъ. Мясной режимъ не только вводитъ яды въ организмъ, но и понижаетъ его самодѣятельность и способность бороться съ болѣзнями. Развитіе нѣкоторыхъ болѣзней, такихъ, какъ воспаленіе червеобразнаго отростка, стоитъ въ прямой связи съ мясною пищею.

Особенно интересны двѣ главы: „Діета въ связи съ жизнью народа“ и „Вегетаріанство и болѣзнь“.

Очень рекомендуется появившаяся къ Рождеству книга „Легенды о нашемъ Господѣ и о Святомъ Семействѣ“, иллюстрированная многими прекрасными картинами.

Журналъ „Другъ животныхъ“ издалъ къ Рождеству сборникъ иллюстрированныхъ разсказовъ. Доходъ съ книги предназначается для фонда обществъ защиты животныхъ.

„Пять лѣтъ Теософіи“ даетъ рядъ статей, вышедшихъ въ „Теософистѣ“ въ первые годы Теософическаго общества, когда вмѣстѣ съ Е. Блаватской сотрудничали Субба Роу, Чаттерджи, Синнеттъ, Массей и Фр. Гартманъ.

Вышла новая книга Мабель Коллинсъ „Строители“. Какъ всѣ сочиненія этого даровитаго писателя *), книжечка содержитъ настоящія жемчужины и дышетъ глубоко мистическимъ настроеніемъ.

А. К.

---

*) Автора: „Свѣтъ на пути“, „Зеленая листва“, „Горе и радость“, „Золотыя врата“, „Исторія года“, и др.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**